

Морской ястреб

Автор:

Рафаэль Сабатини

Морской ястреб

Рафаэль Сабатини

Бескрайние моря и несметные сокровища, беспощадные пираты и кровавые сражения, неземная любовь и вероломное предательство – все это сполна присутствует в книге Рафаэля Сабатини – «Морской ястреб». И кто бы мог подумать, что одной из главных виновниц всех этих событий в очередной раз стала маленькая хрупкая женщина. Все-таки правы были французы, говорившие: «шерше ля фам» или «всегда и во всем ищите женщину, даже там, где, казалось бы, ее не должно было быть».

Рафаэль Сабатини

Морской ястреб

Введение

Лорд Генри, который, как мы увидим, был немного знаком с сэром Оливером Трессилианом, прямо говорит нам, что он был дурен собою, но надо иметь в виду, что он был склонен к резким суждениям и его взгляды не всегда соответствовали действительному положению вещей. Вероятно, он ошибался и в наружности сэра Оливера. Мое мнение подтверждает и письменный портрет, который он нам дал. «Сэр Оливер был, – говорит он, – высокий, сильный малый, хорошо сложенный, исключая того, что у него были слишком длинные руки и что ступни и кисти рук у него были огромные. У него был смуглый цвет лица, черные

волосы и черная раздвоенная бородка. Нос у него был большой и очень горбатый. Глаза под густыми бровями глубоко сидели в орбитах и были светлые, чрезвычайно жестокие и мрачные. Его голос – я заметил, что это признак глубокой мужественности – был громкий, глубокий и более подходящий и чаще встречающийся на шканцах, чем при прославлении Господа». Так говорит лорд Генри Год, и вы замечаете, как в описании наружности этого человека чувствуется его нелюбовь к нему. Дело в том – и это вообще ясно сквозит в его многочисленных писаниях, – что лорд Генри был мизантропом. В сущности, эта мизантропия заставила его, как и многих других, взяться за перо. Он берется за него не столько для того, чтобы составить хронику событий своего времени, но в сущности для того, чтобы найти выход горечи, накопившейся в нем со времени его падения. В результате он не склонен находить что-нибудь хорошее в ком бы то ни было и редко упоминает о ком-нибудь из своих современников, чтобы не найти возможности высказать что-нибудь саркастическое по его адресу. В сущности, ему можно найти оправдание. Он был одновременно мыслителем и человеком дела – совпадение, настолько же редкое, насколько и плачевное по результатам. Человек дела мог бы преуспеть там, где с самого начала мешал мыслитель. Прекрасный моряк, он мог бы стать лордом, адмиралом всего английского флота, если бы этому не препятствовала его склонность к интригам. К счастью для него, – иначе он несомненно не сумел бы сохранить ясность мыслей, – он вовремя попал под подозрение. Его карьера от этого пострадала, но ему была предоставлена некая компенсация, так как в сущности подозрения эти не имели под собой почвы. Он был отставлен от командования и по милости королевы был назначен наместником Корнваллиса – положение, не дававшее ему возможности принести много вреда. Там, озлобленный этим ударом его честолюбием и провод жизнь в относительном уединении, он, как и многие другие в его положении, стал искать утешения в своих писаниях. Он написал свою чрезвычайно брюзгливую, мелочную и поверхностную историю лорда Генри Года – удивительное сочетание инсинуаций, искажений и оригинального правописания. В восемнадцати томах, заполненных его мелким готическим почерком, он передает собственную версию истории своего падения и, покончив с этим вопросом, несмотря на свое многословие в пяти из своих восемнадцати томов, он продолжает повествовать о событиях своего времени, насколько он непосредственно соприкасался с ними в своем Корнуоллском уединении. Для изучения истории Англии его хроника совершенно неинтересна, почему она и была забыта и не была напечатана. Но для человека, изучающего историю жизни необычайной личности Оливера Трессилиана, она неоценима. И так как я занялся теперь ею, то мне надлежит с самого начала удостоверить, что я черпал ее из этой хроники. Без нее было бы немислимо составить себе понятие о жизни этого Корнваллского джентльмена, сделавшегося ренегатом и

корсаром и даже стоявшим на пороге того, чтобы сделаться пашой Алжира – или «Аржира», как это произносит лорд Генри- если бы этому, не помешали обстоятельства, о которых я и расскажу.

Часть первая

Сэр Оливер Трессилиан

Глава I

Торгаш

Сэр Оливер Трессилиан мирно сидел в величественной столовой своего прекрасного дома в Пенарроу, созданного предприимчивостью его отца, оставившего по себе печальную и жалкую известность, и воображением итальянского архитектора, по имени Баньоло, приехавшего в Англию полвека тому назад в качестве сотрудника знаменитого Ториньяни. Под руководством талантливого архитектора, достойного помощника Мессера Ториньяни, был создан величественного вида двухэтажный кирпичный дом, полный света и солнца, благодаря огромным окнам в два света, доходившими почти до потолка на каждом фасаде. Главный вход был в угловом выступе, и над ним помещался массивный балкон, а все это было окружено колоннадой необычайной красоты, которую в настоящее время обвивали ползучие растения. Над обожженными красными черепицами крыши возвышались витые массивные трубы. Но главной своей славой Пенарроу, т. е. новый Пенарроу, созданный талантом Баньоло, был обязан своему саду, который появился из дикой чащи, окружавшей старый дом и покрывавшей возвышенности мыса Пенарроу. Время и природа помогли работе Баньоло. Баньоло выстриг замечательные площадки, выстроил величественные балюстрады, окружающие три террасы, соединенные лестницами; он сам составил чертеж фонтана и своими собственными руками высек гранитного фавна, возвышавшегося над ним, и дюжину мраморных нимф и лесных богов, сверкавших своей белизной среди тусклой зелени. Но время и природа превратили поляны в бархатные луга, сделали буковые изгороди густыми и

вытянули вверх пикообразные тополя, завершавшие вполне итальянский вид этого корнваллского поместья.

Сэр Оливер мирно сидел в своей столовой, любуясь расстилавшимся перед ним видом, облитым мягким сентябрьским солнцем, и находил, что все это очень красиво и жизнь очень хороша. Никто не бывает оптимистом, если у него нет для этого непосредственной причины в окружающем. У сэра Оливера было их несколько. Первая, их них – хотя он, может быть, о ней и не подозревал – была его молодость, богатство и хорошее пищеварение, вторая состояла в том, что он заслужил почести и славу на испанском материке в недавней победе над Непобедимой Армадой – или, вернее сказать, над бывшей Непобедимой Армадой – и что он на двадцать пятом году жизни получил дворянство из рук королевы – девственницы, а третьей и последней причиной его хорошего настроения – я оставил ее напоследок – было то, что Купидон оказался к нему вполне благосклонен, и ухаживание сэра Оливера за миссис Розамундой Годольфин протекало гладко и счастливо.

Поэтому-то сэр Оливер и сидел теперь в хорошем настроении на большом резном стуле; камзол его был расстегнут, длинные ноги вытянуты, задумчивая улыбка бродила на его губах, оттененных маленькими усиками (портрет его, принадлежавший лорду Генри, был сделан гораздо позже). Был полдень; наш джентльмен только-что пообедал, на что указывали блюда с надрезанными кушаньями и полу-опустошенная бутылка, стоявшая на столе перед ним. В то время, как его мечтательный взор скользил по залитой солнцем террасе, на нее упала тень. Вслед за тенью появилась ее материальная форма, высокая, в ярких одеждах, в широкополой испанской шляпе, украшенной ярко-красными перьями. Размахивая длинной, обвитой лентами, тростью, фигура прошла мимо окна, точно сама судьба. С губ сэра Оливера сошла улыбка. Его загорелое лицо стало серьезным, черные брови сдвинулись, на лбу образовалась глубокая морщина. Потом улыбка снова медленно показалась на губах, но это уже была не прежняя добродушная и задумчивая улыбка. Она была полна решительности. Слуга Николас доложил о приходе мастера Питера Годольфина, и сейчас же вслед за лакеем вошел сам мастер Годольфин, опираясь на обвитую лентами трость и держа в руке широкополую испанскую шляпу. Это был высокий, стройный джентльмен, с бритым, красивым, высокомерным лицом. Как и у сэра Оливера, у него был горбатый надменный нос, и он был моложе сэра Оливера года на два. Его каштановые волосы были длиннее, чем того требовала мода, но в общем он был щеголем ровно настолько, насколько позволял ему его возраст. Сэр Оливер встал и поклонился, приветствуя его. Но волна табачного дыма попала в горло изящному гостю: он закашлялся и сморщился.

– Я вижу, – сказал он, – что вы приобрели эту скверную привычку.

– Я знал более скверные, – спокойно сказал сэр Оливер.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил мастер Годольфин, показывая этим свое настроение и цель своего прихода.

Сэр Оливер проглотил ответ, который помог бы его гостю в его намерениях, так как для него это было совсем нежелательным.

– Поэтому, – иронически сказал он, – я надеюсь, что вы отнесетесь снисходительно к моим недостаткам. Ник, подайте стул мастеру Годольфину и принесите кубок. Приветствую вас в Пенарроу. На лице молодого человека промелькнула усмешка. – Вы оказываете мне любезность, сэр, но я боюсь, что не сумею вам на нее ответить. – Вы будете иметь случай, когда я приду к вам и попрошу у вас о таковой, – сказал сэр Оливер, стараясь казаться добродушным. – Когда вы попросите о таковой? – О гостеприимстве в вашем доме, – пояснил сэр Оливер. – Об этом-то я и пришел с вами переговорить. – Не хотите ли присесть? – пригласил его сэр Оливер и указал рукой на стул, который внес Николас. Тем же жестом он выпроводил слугу. Мастер Годольфин не обратил внимания на приглашение. – Вы, – сказал он, – были, как я слышал, вчера в Годольфин-Корте. – Он замолчал, и так как сэр Оливер не возражал, он холодно добавил: – Я пришел к вам, сэр, чтобы сказать вам, что мы ничего не имеем против того, чтобы отказаться от ваших визитов. Делая страшные усилия, чтобы сохранить спокойствие при этой дерзости, сэр Оливер побледнел под загаром.

– Вы должны понять, Питер, – ответил он тихо, – что сказали уже слишком много, так что вам ничего не остается добавить. – Он замолчал и несколько секунд смотрел на своего гостя. – Не знаю, сказала ли вам Розамунда, что она вчера сделала мне честь согласиться стать моей женой? – Она ребенок, который не знает, чего он хочет, – прервал его Питер. – Знаете ли вы причину, из-за которой она может переменить свое намерение? – сказал сэр Оливер.

Мастер Годольфин сел, скрестил ноги и положил шляпу себе на колени. – Я знаю дюжину причин, – ответил он, – но я не буду их высказывать. Довольно, если я вам напомню, что Розамунде только семнадцать лет и что она состоит под моей опекой и под опекой сэра Джона Киллигрю. Ни сэр Джон, ни я не согласимся на этот брак. – Но кто же просит вашего согласия, – прервал его сэр Оливер, – или

согласия сэра Джона? Слава богу, ваша сестра скоро будет совершеннолетней, и будет сама располагать собой. Я совсем не тороплюсь со свадьбой, и вообще, как вы, вероятно, заметили, я по природе очень терпелив. Я подожду. – И он снова затянулся из своей трубки. – Это вам не поможет, сэр Оливер. Вы бы лучше сделали, если бы постарались меня понять, И сэр Джон и я непоколебимы. – Вот как. Отлично. Пошлите сэра Джона ко мне, чтоб он объявил мне свое решение, а я ему сообщу свое. Передайте ему от моего имени, мастер Годольфин, что если он потрудится приехать в Пенарроу, я сделаю с ним то, что уже давным-давно должен был бы сделать палач. Вот этими руками я обрежу ему его длинные уши.

– Ну, а до тех пор, – сказал сердито мастер Годольфин, – не испробуете ли вы на мне вашу разбойничью храбрость? – На вас? – спросил сэр Оливер и посмотрел на него с добродушным презрением. – Я не мясник, режущий цыплят, Кроме того, вы брат вашей сестры, и в мои намерения не входит увеличивать стоящие на моей дороге препятствия. – Тут тон его изменился. Он облокотился на стол. – Послушайте, Питер, в чем дело? Не можем ли мы как-нибудь покончить с этим недоразумением? Будьте искренны. Поговорим по душе. – По душе! – презрительно усмехнулся гость. – Наши отцы показали нам в этом пример. – Какое нам дело до того, что делали наши отцы. Пусть им будет стыдно, что, будучи соседями, они не могли жить в дружбе. Неужели мы последуем такому плохому примеру? – Не хотите ли вы сказать, что в этом виноват был мой отец? – воскликнул тот, уже готовый разозлиться. – Я ничего не хочу сказать, мой мальчик, я говорю, что им обоим должно быть стыдно. – В таком случае обвиняйте вашего отца, с которым ни один порядочный человек не мог жить в мире! – Тише, тише, мой дорогой. – Молчать не приходится. Ральф Трессилиан был бесчестен, он был позором всей округи. Нет ни одной деревни отсюда до Труро или до Хелстона, где не было бы людей с носами, как у большого Трессилиана, такими же, как у вас. Глаза сэра Оливера сузились, он улыбнулся. – Интересно было бы знать, откуда вы получили свой нос? Мастер Годольфин сердито вскочил со стула. – Сэр, – воскликнул он, – вы оскорбляете память моей матери.

Сэр Оливер засмеялся.

– Может быть, я слишком много себе позволил в ответ на то, что вы сказали о моем отце. Мастер Годольфин без слов, в бешенстве уставился на него, потом подталкиваемый злобой, перегнулся через стол, поднял свою длинную трость и сильно ударил сэра Оливера по плечу. Сделав это, он величественно направился к двери. На пол-дороге он остановился. – Я буду ожидать ваших секундантов и

ударов вашей шпаги. Сэр Оливер снова рассмеялся. – Я вряд ли дам себе труд их посылать, – сказал он. Мастер Годольфии повернулся и взглянул ему прямо в лицо. – Как! Вы снесете это оскорбление? Сэр Оливер пожал плечами. – Никто этого не видел, – сказал он – Но я всюду расскажу об этом. – Вас сочтут за лжеца, никто вам не поверит. – Потом он снова переменял тон. – Послушайте, Питер, мы ведем себя недостойно. Что касается удара, то я сознаюсь, что я заслужил его. Особа матери должна быть более священна для человека, чем особа отца. Поэтому мы теперь квиты. Не можем ли мы расквитаться и во всем другом? Что нам поможет, если мы будем продолжать безумную ссору, возникшую между нашими отцами? – Между нами есть еще кое-что, – ответил мастер Годольфин. – Я не хочу, чтоб моя сестра вышла замуж за пирата. – За пирата? Бог мой. Хорошо, что никто вас не слышит: ее величество даровало мне дворянство за мои подвиги на море, поэтому ваши слова равняются измене. Как-никак, мой мальчик, то, что заслужило одобрение королевы, может также заслужить и одобрение Питера Годольфина и даже вашего ментора, сэра Джона Киллигрю. Это он вас настроил и послал вас сюда. – Я никогда не был ничьим лакеем, – горячо ответил тот, чувствуя себя оскорбленным, тем более, что это была правда. – Называть меня пиратом нелепо. Я думаю, что здесь, в Корнваллисе, я не хуже других. Розамунда делает мне честь своей любовью, я богат и буду еще богаче, прежде чем зазвонят свадебные колокола. – Богат плодами грабежей на морях, богат сокровищами потопленных судов и ценой рабов, взятых в плен в Африке и проданных на плантации, богат, как вампир, насыщенный кровью мертвецов. – Это все говорит сэр Джон? – спросил сэр Оливер тихим беззвучным голосом.

– Это говорю я.

– Я слышу, но спрашиваю вас, где вы выучили этот замечательный урок? Не сэр ли Джон ваш учитель? Он, он. Не стоит этого опровергать. Я разделаюсь с ним. Пока же позвольте мне открыть вам чистый и беспристрастный источник ненависти сэра Джона. – Я не желаю слушать, что вы будете говорить о нем. – Нет, вы должны выслушать меня, раз я выслушал вас. Сэр Джон желает получить лицензию на застройку устья Фаля. Он надеется, что там, у моря, под сенью его усадьбы «Арвенак», вырастет город. Он утверждает, что он лично не заинтересован и заботится только о могуществе родины, но он не говорит, что земля принадлежит ему и его родственникам, которым он покровительствует. Мы, благодаря счастливому случаю, встретились в Лондоне, когда сэр Джон был по этому делу при дворе, И вот случилось, что и я тоже заинтересован в Труро и Пенрине, но, в противоположность сэру Джону, я искренен в этом отношении и прямо заявил об этом. Если Смисик будет отстраиваться, то, как результат

преимущества его положения, потеряют Труро и Пенрин, и это так же неинтересно для меня, как обратное положение интересно сэру Джону. Я так и сказал ему, так как умею быть откровенным, и сказал это королеве в форме контр-петиции сэру Джону. – Он помолчал. – Момент для меня был благоприятный. Я был одним из моряков, которые помогли победить Непобедимую Армаду короля Филиппа. Поэтому нельзя было оставить меня без внимания, и сэра Джона послали домой с пустыми руками. Разве удивительно, что он меня ненавидит? Зная его, неужели вы удивляетесь, что он называет меня пиратом и еще хуже. Он выбрал оружием клевету, но это не мое оружие, и я ему докажу это сегодня же. Если вы не верите тому, что я говорю, пойдите со мною и послушайте, какой разговор я буду иметь с этим скрягой. – Вы забываете, – сказал мастер Годольфин, – что я тоже заинтересован и что вы затрагиваете и мои интересы. – Вот как, – сказал сэр Оливер. – Наконец-то солнце проглядывает из-за туч и освещает негодование происхождением и моими пиратскими склонностями. Вы сам ничто иное, как торгош! Как я был глуп, считая вас искренним и разговаривая с вами, как с честным человеком. – Эти слова... – сказал мастер Годольфин, выпрямляясь во весь рост. – Говорят меньше, чем вы заслуживаете, – прервал его другой и громко крикнул: – Ник! – Вы ответите за это, – выпалил его гость. – Я отвечаю сейчас, – сурово ответил тот. – Вы приходите сюда, болтаете о развращенности моего отца и о старинной вражде между ним и вашим отцом, обвиняете меня в пиратстве и говорите, что мой образ жизни является препятствием к моему браку с вашей сестрой, в то время как действительная причина вашей злобы – несколько жалких фунтов в год, которых я вас лишил. Идите с богом. – Вы скоро услышите обо мне, сэр Оливер, – сказал тот, бледнея от злобы. – Вы ответите за свои слова! – Я не дерусь с торгошами, – вспыхнул сэр Оливер. – Как вы смее так называть меня! – Конечно, это позорит класс людей, достойный уважения, я согласен с этим. Ник, откройте дверь мастеру Годольфину.

Глава II

Розамунда

После ухода гостя сэр Оливер успокоился. Теперь он был в состоянии обдумать свое положение, но снова рассердился, вспомнив, как он дал гневу настолько овладеть собой, что еще увеличил препятствия между собой и Розамундой, а их и так уже было не мало. Гнев его обратился на сэра Джона Киллигрю. Он

немедленно же разделяется с ним. Да, он делает это, тому свидетель небо. Он позвонил Нику и велел принести свои сапоги. – Где мастер Лайонель? – спросил он, когда ему принесли сапоги.

– Он только-что вернулся, сэр Оливер. – Попросите его сюда. В ответ на его призыв немедленно явился сводный брат сэра Оливера – стройный юноша, похожий на мать, – вторую жену развратного Ральфа Трессиана. Он ни душой, ни телом не походил на сэра Оливера; он был довольно красив, нежной, почти женской красотой. Цвет лица у него был светлый и нежный, волосы золотые, глаза темно-синие. Он был очень изящен – ему шел только двадцать первый год – и одевался он с изысканностью придворного щеголя. – Этот щенок Годольфин приходил вас навещать? – спросил он входя. – Да, – пробурчал сэр Оливер, – он пришел сообщить мне некоторые вещи и услышать от меня кое-что в ответ. – Я встретил его у ворот, и он не ответил на мое приветствие. Гнусный, несносный щенок. – Ты правильно судишь о людях, Лаль. – Сэр Оливер встал. Сапоги были уже надеты. – Я еду в Арвенак, чтобы обменяться с сэром Джоном несколькими комплиментами. Его плотно сжатые губы и решительный вид подтверждали его слова, так что Лайонель схватил его за руку. – Вы не... вы не... – Да. – И чтоб успокоить брата, он нежно погладил его по плечу. – Сэр Джон, – добавил он, – слишком много болтает. Я хочу научить его добродетели молчания. – Будут неприятности, Оливер. – Да, для него. Если человек говорит про меня, что я пират, что я торгую рабами, что я убийца и вообще бог знает, что еще, то он должен отвечать за последствия. Но отчего вы так запоздали, Лаль? Где вы были? – Я доехал до Мальпаса. – До Мальпаса? – сэр Оливер прищурил глаза, что было его обычной манерой. – Я слышал, какой магнит вас притягивает туда, – сказал он. – Будьте осторожны, дитя, – вы слишком часто туда ездите. – Как так? – холодно спросил Лайонель. – Я хочу сказать, что вы сын моего отца.

При этих словах он положил руку на плечо брата, и теплота его объятия не позволила тому обидеться за эти слова.

Когда он ушел, Лайонель сел за обед, но ел мало. Он был задумчив. Мысленно он следовал за братом в его поездке в Арвенак. Киллигрю не был младенцем, он был человеком в цвете сил, солдатом и моряком. Если с Оливером что-нибудь случится... Он задрожал при этой мысли. И помимо своей воли он начал обдумывать последствия этого для себя. Всем, что он имел, он обязан был доброте своего брата. Их развратный отец умер, как обычно умирают такие лица, оставив после себя заложенные поместья и вообще массу долгов. Даже дом в Пенарроу был заложен. Тогда Оливер продал маленькое поместье около

Хелстона, унаследованное им от матери, и вложил деньги в одно предприятие в испанских владениях. Он экипировал и снарядил судно и отправился с Хаукинсом в одно из тех предприятий, которые сэра Джон Киллигрю имел право называть пиратством. Он вернулся, привезя с собой огромное количество пряностей и драгоценностей, благодаря чему мог выкупить наследие Трессилианов. Он снова отплыл и вернулся еще богаче. А в это время Лайонель сидел мирно дома. Он любил покой. Он был по природе ленив, и у него были дорогостоящие эксцентричные вкусы, обычно совмещающиеся с ленью. Он не был рожден для труда и борьбы и совсем не старался исправиться в этом отношении. Иногда он думал о том, что с ним будет, когда Оливер женится. Он боялся, что его жизнь тогда уж не будет такой покойной, как теперь. Но он старался не думать об этом – такие люди, как он, никогда не задумываются о будущем. Когда он начинал об этом размышлять, то утешал себя тем, что Оливер любит его и даст ему все, что нужно.

В этом отношении он был несомненно прав. Оливер был ему скорее отцом, чем братом. Когда отца их принесли домой раненого каким-то оскорбленным им мужем, он поручил Лайонеля старшему брату. В то время Оливеру было семнадцать, а Лайонелю двенадцать лет. Но Оливер выглядел настолько старше своего возраста, что Ральф Трессилиан вполне мог положиться на этого умного и решительного сына. Все это вспомнил теперь Лайонель, и снова в нем началась борьба против навязчивой мысли о том, что, если с братом в Арвенке приключится что-нибудь плохое, то ему будет только выгодно, так как тем, чем он теперь пользуется, благодаря доброте брата, он будет владеть по праву. Точно какой-то дьявол смущал его. Борясь с этим голосом, который в его хорошие минуты казался ему отвратительным, он старался думать о постоянной и неизменной любви Оливера. Вспоминал те благодеяния, которыми Оливер его осыпал, и проклинал свою испорченность. На него так подействовали эти мысли и борьба между эгоизмом и совестью, что, вскочив на ноги, он воскликнул: – Отойди от меня, сатана! Старый Николас, взглянув на него, увидел, что лицо юноши бледно и покрыто потом. – Мастер Лайонель, мастер Лайонель, – воскликнул он, вглядываясь в лицо своего молодого хозяина. – Что случилось? Лайонель вытер лоб. – Сэр Оливер поехал в Арвенак по ужасному делу, – сказал он, – Он поехал наказать сэра Джона за то, что тот оклеветал его. Обветренное лицо Николаса осветилось улыбкой. – Вот как. Давно пора. У сэра Джона слишком длинный язык! Лайонель удивился уверенности этого человека.

– Вы, вы не боитесь, Николас?.. Он не добавил, чего... Но слуга понял, и улыбка еще шире расплылась по его лицу – Боятся. Чепуха! Я не боюсь за сэра Оливера. Сэр Оливер вернется к ужину с прекрасным аппетитом – вот и все.

Ожидания старика оправдались, хотя сэр Оливер поступил не совсем так, как он намеревался и обещал. Он поехал в Арвенак с твердым намерением убить клеветника. Меньшее его бы не удовлетворило. Подъехав к чудесно защищенному замку Киллигрю, из амбразур которого было видно до самого Лизарда, отстоящего от замка на пятнадцать миль, он встретил Питера Годольфина. И благодаря присутствию Питера сэр Оливер был более официален и сдержан в своих обвинениях сэра Джона, чем сперва намеревался. Он желал, обвиняя сэра Джона, в то же время оправдаться в глазах брата Розамунды и дать ему понять, как несправедлива и недостойна была клевета, которую позволил себе сэр Джон. Но сэр Джон сам вызвал ссору. Они нашли в охотничьем парке укромный уголок, и сэр Джон – худощавый, бледный джентльмен, лет тридцати, набросился на сэра Оливера с шпагой и рапирой так же, как он раньше набрасывался языком. Но эта пылкость ему несколько не помогла. Сэр Оливер приехал сюда с определенным намерением, а у него был такой характер, что он всегда приводил свое намерение в исполнение. В три минуты все было покончено, и сэр Оливер, тщательно вытирал лезвие своей шпаги в то время, как сэр Джон, хрипя, лежал на траве, поддерживаемый сэром Питером и грумом, который был приведен сюда, в качестве свидетеля. Сэр Оливер вложил оружие в ножны и надел кафтан, потом остановился перед своим врагом, рассматривая его.

– Я думаю, что только на время заставил его замолчать, – сказал он, – сознаюсь, что я имел намерение сделать больше. Но я надеюсь, что этого урока будет достаточно, и думаю, что он больше не будет лгать, по крайней мере, про меня. – Вы издеваетесь на побежденным, – сказал сердито мастер Годольфин. – Сохрани боже, – серьезно сказал сэр Оливер. – Я не имею намерения издеваться. В моем сердце только сожаление, сожаление о том, что я не обделал этого дела лучше. Я пошлю из дома помощь. – До свидания, мастер Питер. Из Арвенака он отправился через Пенрин домой. Но он не поехал прямо домой. Он остановился у ворот замка Годольфин, который был расположен над мысом Трефузис, господствуя над путями в Каррик. Он въехал через старые ворота во двор. Соскочив на вымощенный плитами двор, он велел доложить о себе миссис Розамунде.

Он застал ее в светлой комнате с башенкой на западной стороне замка, окно которой выходило прямо на прелестную полосу воды и на лес, покрывающий отлогие холмы. Она сидела в проеме большого окна, держа на коленях книгу, когда он вошел, предшествуемый ее камер-юнгфером – Салли Пентрис, бывшей раньше няней. Когда он показался в дверях, почти задевая за притолоку, она встала с радостным восклицанием и стоя смотрела на него блестящими глазами.

Щеки ее разгорелись. К чему описывать ее? Благодаря тому, что сэр Оливер теперь сделал ее имя известным, не было ни одного поэта в Англии, который не воспевал бы красоту и изящество Розамунды Годольфин, и многие из этих песен дожили и до сего времени. Она, как и ее брат, была смуглая, высокая, но благодаря своей молодости немного худощавая для своего роста. – Я не ждала вас так рано, – начала она, но, увидев его серьезное лицо, воскликнула: – Что, что случилось? – Сердце подсказывало ей, что произошла какая-то неприятность. – Ничего такого, что могло бы испугать вас, дорогая, но нечто такое, что может вас огорчить.

Он обнял ее тонкую, над раздувающимися фижмами, талию и довел ее до стула, а сам сел рядом с ней на подоконник. – Вы любите Джона Киллигрю? – спросил он, не то утвердительно, не то вопросительно. – Ну, конечно. Он был нашим опекуном до совершеннолетия моего брата. Сэр Оливер нахмурился. – Вот в этом-то и дело- я почти убил его. Она откинулась на спинку стула, отшатнувшись от него; он увидел в ее глазах ужас, и лицо ее побледнело. Он поторопился объяснить причины, доведшие его до этого. Рассказал ей о клевете сэра Джона в отместку за то, что ему не удалось получить лицензию на застройку Смисика. – Сперва я не обращал на это внимания, – продолжал Оливер, – и одинаково презирал рассказы и рассказчика. Но он пошел дальше, Роза. Он восстановил против меня вашего брата и пробудил в нем заглохшую было ненависть, которая ещё со времен наших отцов существовала между нашими домами. Сегодня Питер пришел ко мне с явным намерением поссориться. Он говорил мне вещи, которых не осмеливался сказать ни один человек. Она вскрикнула. Ужас ее усилился. Он улыбнулся. – Не думайте, что я мог бы причинить ему вред. Он ваш брат и, следовательно, для меня священен. Он пришел сообщить мне, что наш брак невозможен, запретил мне когда-либо посещать замок Годольфин, называл меня в лицо пиратом и вампиром и оскорблял память моего отца, Я дошел до источника этого – Киллигрю – и поехал в Арвенак, чтобы убрать навсегда этот источник клеветы. Но я не исполнил того, что намеревался. Вы видите, моя Роза, я искренен. Может быть, сэр Джон останется жив; если так, я надеюсь, что урок послужит ему на пользу. Я приехал прямо к вам, – заключил он, – чтоб вы узнали все это от меня, прежде чем кто-нибудь другой придет позорить меня лживыми рассказами об этом происшествии. – Вы, вы говорите о Питере? – воскликнула она.

– Увы! – вздохнул он. Она сидела молчаливая и бледная, смотря прямо перед собой. Наконец она заговорила. – Я не умею разбираться в людях, – сказала она печальным голосом, – и как мне уметь, ведь я девушка и живу в уединении. Мне говорили, что вы вспыльчивы и страстны – человек, имеющий много врагов, что

вы легко раздражаетесь, зло и жестоко расправляетесь с врагами. – Вы, вы тоже слушали сэра Джона, – пробормотал он и сухо рассмеялся.

– Все это мне говорили, – продолжала она, точно не слыша его, – и всему этому я отказывалась верить, так как мое сердце принадлежало вам. Но... но то, что вы сделали сегодня, доказало... – Мою сдержанность, – коротко сказал он. – Сдержанность, – повторила она и грустно усмехнулась, – вы, вероятно, издеваетесь надо мной? Он постарался ей объяснить. – Я сказал вам, что сэр Джон задевал мою честь – я давно это знаю. Но я все переносил с молчаливым презрением. Разве это доказывает, что я легко раздражаюсь? Что это такое, как не сдержанность? И даже когда он доводит свою злобу торгаша до того, что хочет закрыть для меня источник счастья и посылает ко мне вашего брата, чтоб оскорбить меня, я все же настолько сдержан, что даю себе отчет в том, что ваш брат игрушка в его руках и иду прямо к направляющей его руке. Зная вашу любовь к сэру Джону, я прощал ему столько, сколько не простил бы ни один благородный человек в Англии. Потом, видя, что она все еще избегает его взгляда и все еще в ужасе от того, что человек, которого она любит, запачкал свои руки в крови другого, которого она также любит – его голос стал умоляющим. Он бросился на колени перед ее стулом и взял в свои огромные нервные руки нежные пальчики, которые она молча отдала ему. – Роза, – воскликнул он, и его глубокий голос задрожал от волнения, – выбросьте из головы все то, что вы слышали. Обдумайте только следующее. Если б мой брат Лайонель пришел к вам и, имея для этого какую-нибудь возможность, поклялся бы вам, что вы никогда не выйдете за меня, поклялся бы помешать этому браку, так как он считал бы, что такая женщина, как вы, не сможет с честью носить мое имя, да вдобавок еще оскорбил бы память вашего покойного отца – что бы вы ему ответили? Скажите, Роза. Будьте честны сами с собой и со мною. Поставьте себя на мое место и скажите, можете ли вы обвинять меня за то, что я сделал? Ее глаза скользили по его поднятому к ней лицу, каждая черта которого молила ее о беспристрастном суждении. Лицо ее сделалось сперва смущенным, потом почти жестоким. Она положила руки на его плечи и заглянула ему в глаза. – Поклянись мне, Нолл, что все обстоит так, как вы сказали – что вы ничего не прибавили и не изменили в свою пользу?

– Бог мне свидетель, что я сказал правду, – торжественно ответил он. Она склонилась к нему на плечо и тихо плакала: все, что она молча перестрадала с самого начала его ухаживания, теперь вылилось в этих слезах. – Я верю, что вы поступили правильно. Верю, что ни один благородный человек не поступил бы иначе. Я должна верить вам, Нолл, так как иначе не могла бы ничему верить и ни на что надеяться. Вы точно огонь, который превратил в пепел все, что есть во

мне лучшего. Она задумчиво улыбнулась сквозь слезы. – И вы будете терпеливы с Питером? – попросила она. – Он не сможет рассердить меня, – ответил он, – я клянусь вам в этом. Знаете ли вы, что он меня сегодня ударил? – Ударил вас? Вы мне этого не сказали. – Я был разгневан не на него, а на того негодяя, который послал его. Я рассмеялся, когда он ударил меня. Ведь он для меня священен. – У него доброе сердце, Нолл, – продолжала она. – Со временем он полюбит вас, как вы того заслуживаете, и вы узнаете, что и он тоже заслуживает вашей любви. – Он и теперь ее заслуживает, потому что любит вас. – И вы всегда будете это помнить, хотя бы нам пришлось еще долго ждать? – Всегда, моя дорогая. Я буду пока избегать его, и если он запретит мне приезжать в Годольфин, то я не буду ездить сюда. Менее чем через год вы будете совершеннолетней, и тогда никто не сможет вам ничего запретить. Что такое год, раз надежда будет успокаивать меня!

Она погладила его по лицу.

– Вы всегда добры ко мне, Нолл, – нежно пробормотала она, – я не могу поверить, чтоб вы были жестоки к кому бы то ни было, как они говорят. – Не обращайтесь на них внимания, Роза. Я мог бы быть таким, но с вами я становлюсь чище. – Он поцеловал ее и встал. – Я лучше уйду теперь, – сказал он, – я пойду завтра утром по берегу на мыс Трефузис, если у вас будет такое же желание... Она засмеялась и тоже встала. – Я буду там, дорогой Нолл.

– Так будет лучше всего, – улыбнулся он и простился с ней. Она прошла с ним до площадки лестницы и смотрела, как он спускался вниз. Она гордилась изящной величественной фигурой своего жениха.

Глава III

Кузница

Мудрость сэра Оливера, поспешившего первым довести до сведения Розамунды события этого дня, сказала, когда мастер Годольфин вернулся домой. Он прошел прямо к сестре – он боялся и огорчился за сэра Джона, был зол, и это делало его наглым. Мадмуазель, – резко сказал он, – сэр Джон умирает. Ее ответ, удививший его, нисколько не способствовал успокоению его настроения.

– Я знаю, – сказала она. – И считаю, что он это заслужил. Тот, кто распускает клевету, должен нести ее последствия. Он долго гневно смотрел на нее, потом разразился проклятиями и, наконец, стал упрекать ее в жестокости и в том, что ее околдовала эта подлая собака Трессилиан. – Я очень счастлива, – спокойно возразила она, – что он был здесь до вас и сообщил мне истину об этом деле. – После этого ее деланное спокойствие и гнев, которым она отвечала на его собственный гнев, покинули ее. – О Питер, Питер, – воскликнула она в волнении, – я надеюсь, что сэр Джон поправится. Я очень расстроена всем этим. Но будьте справедливы, умоляю вас. Сэр Оливер рассказал мне, как его довели до этого. – Ему будет еще тяжелее, клянусь богом. Если он думает, что это пройдет для него безнаказанно... Она бросилась к нему на шею и умоляла его не продолжать ссоры. Она говорила о своей любви к сэру Оливеру и сообщала о своем твердом желании сделаться его женой, несмотря на все препятствия. Все это не улучшило настроения ее брата. Но так как они были связаны взаимной любовью то, то он обещал ей, в случае если сэр Джон поправится, не вести дела дальше. Но если сэр Джон умрет, что весьма вероятно, то честь заставит его отомстить за поступок, в котором он сам отчасти виновен. – Я читаю этого человека, как открытую книгу. Он хитер, как дьявол. Он хочет вас, Розамунда, и он не может расчитаться со мной, как бы я ни вызывал его на это. Поэтому, чтоб смыть оскорбление, которое я ему нанес, он решил убить Киллигрю – он думает, что это послужит мне предупреждением. Но если Киллигрю умрет... – И он продолжал в том же духе, заставляя ее сердце трепетать от страха при виде того, как растет вражда между двумя существами, которые она любила больше всего на свете. Наконец, вспомнив обещание сэра Оливера, что жизнь ее брата будет священна для него, она успокоилась. Она верила ему. Она верила его слову и той удивительной силе, которая позволила ему брать на себя то, что не мог бы взять более слабый человек.

Вспоминая все это, она гордилась им еще больше.

Но сэр Джон Киллигрю не умер; он пролежал семь дней между жизнью и смертью и начал поправляться. В октябре он уже был на ногах, бледный и худой – он превратился в тень. Одним из первых его выездов было посещение замка Годольфин. Он явился переговорить с Розамундой о ее женихе – и сделал это по просьбе ее брата. Но в его словах не было той уверенности, которую она ждала от него. Дело в том, что на пороге смерти, когда его земные интересы отошли на второй план, сэр Джон взглянул правде в глаза, и ему пришлось сознаться, что он получил то, что заслужил. Он понял, что поступил недостойно – хотя в тот

момент этого не сознавал, – что оружие, которым он сражался с сэром Оливером, не было достойно джентльмена. Он понял, что его обуяла старая ненависть к дому Трессилианов, подогретая недавно полученным отпором в деле лицензии. Понял, что и зависть сыграла в этом немалую роль. Подвиги сэра Оливера на море дали ему богатство и, благодаря этому богатству, он снова стал играть видную роль в этой местности и затмил значение Киллигрю из Арвенака. Но несмотря на это, он не считал сэра Оливера достойной партией для Розамунды Годольфин. Она и ее брат были отданы под его опеку их покойным отцом, и он добросовестно исполнял свои обязанности до совершеннолетия Питера. Розамунду он почти боготворил, и мысль выдать ее замуж за Оливера Трессилиана была ему неприятна. Прежде всего в нем была отвратительная трессилиановская кровь – особенно сильно проявившаяся в покойном Ральфе Трессилиане. Не может быть, чтобы и у Оливера она не проявилась. В нем было традиционное трессилиановское буйство. Он вспыльчив и жесток, и пиратство, которым он занялся, более всего подходило к его характеру. Он был груб и надменен, не поддавался исправлению и попирал ногами чувства других людей. Был ли Оливер, – спрашивал он себя, стараясь быть беспристрастным, – достойным мужем для Розамунды? Мог ли он вверить ее счастье такому человеку? Нет, не мог, это несомненно. Поэтому он пришел поговорить с нею, так как считал это своим долгом и так как мастер Питер просил его об этом. – Но, сэр Джон, – возразила она, – если каждый человек будет отвечать за грехи своих предков, только немногие избегли бы обвинения, и где же вы найдете мне жениха, заслуживающего вашего одобрения? – Его отец... – начал сэр Джон. – Говорите мне о нем, а не об его отце, – прервала она его. Он нахмурился. – Я об этом и хочу говорить, – сказал он, слегка недовольный, что она перебивала его и мешала ему воспользоваться самыми сильными его аргументами. – Он унаследовал много порочных свойств своего отца, как мы видим из его жизни; не унаследовал ли он и остальных? Это покажет будущее. – Другими словами, – пошутила она с серьезным видом, – я должна буду ждать, пока он не умрет в преклонных годах, чтоб убедиться в том, что он не был бы недостойным супругом. – Какая ты злая! – воскликнул он. – Нет, это вы злы, сэр Джон. Он заерзал на своем стуле и проворчал: – Будем говорить о тех свойствах, которые он проявляет сейчас. – И сэр Джон стал перечислять их.

Она засмеялась. – Будьте честным судьей и назовите мне хоть один его поступок, который мне доказал бы, что он таков, как вы говорите. Ну, сэр Джон? Он нетерпеливо взглянул на нее. Потом улыбнулся. – Плутовка, – сказал он и впоследствии припомнил свои слова. – Если его когда-нибудь будут судить, я желаю ему такого адвоката, как ты! Тут она поцеловала его, говоря. – А я желаю для него такого честного судью, как вы. Что было делать после этого бедняге?

Только то, что он сделал. Поехал к сэру Оливеру, чтоб покончить с этим недоразумением. Он благородно признался в своей вине, и сэр Оливер так же благородно принял его извинение. Но когда сэр Джон заговорил о миссис Розамунде, то он, считая это своим долгом, был уже менее великодушен. Он сказал, что раз он не может признать сэра Оливера подходящим женихом для нее, то все сказанное им не должно быть принято сэром Оливером за согласие на этот брак. – Я буду держаться в стороне, – прибавил он. – Пока она не будет совершеннолетней, брат ее не даст своего согласия. После это уже не будет касаться ни его, ни меня. – Надеюсь, – сказал сэр Оливер, – что он будет так же разумен, но, как бы то ни было, благодарю вас, сэр Джон, за вашу откровенность.

Таким образом, сэр Джон был обезврежен. Но злоба мастера Питера не уменьшалась. Даже наоборот, она с каждым днем возрастала и вскоре начала подогреваться еще чем-то, о чем сэр Оливер совсем не подозревал. Он знал, что его брат Лайонель почти ежедневно ездит в Мальпас и знал объект этих постоянных поездок. Он слышал о той даме, которая принимала там разных весельчаков из Труро, Пенрина и Хелстона и об ее плохой репутации. Он несколько раз предостерегал брата, и первый раз в жизни братья почти поссорились на этой почве. После этого он больше не упоминал о ней. Поэтому Оливер молчал. Он никогда не упоминал о Мальпасае и о волшебнице, царившей там. К тому времени осень перешла в зиму, настала бурная погода, и у Оливера и Розамунды было меньше возможностей встречаться. Сэр Оливер был вполне счастлив, и окружающие замечали, что его голос стал нежнее, а лицо, которое они знали высокомерным и суровым, – светлее. Терпение – это было все, чего требовала от него судьба, и он охотно ждал, ожидая за это награды. Однажды, за неделю до Рождества, он отправился по делам в Хелстон. Несколько дней дул ветер с моря, и на дворе вздымались сугробы снега. На четвертый день буря утихла и выглянуло солнце, небо очистилось от туч, и вся окрестность окуталась в блестящее белое одеяние. Сэр Оливер сел на лошадь и поехал по скрипящему снегу. Домой он возвратился очень рано, но не далеко от Хелстона заметил, что его лошадь потеряла подкову. Он слез и взял ее под уздцы, пошел по залитой солнцем равнине между высотами Пенденниса и Арвенака. Напевая, подошел он к дверям кузницы в Смисике. Около дверей стояла группа рыбаков и крестьян, так как из-за отсутствия гостиницы кузница служила местом сборищ. Кроме крестьян и странствующего торговца с своими вьючными лошадьми, там был еще сэр Андрию Флэк, священник из Пенрина, и мастер Грегори Бэн, один из судей по соседству от Труро. Оба были хорошо знакомы с сэром Оливером, и он стоял в ожидании своей лошади, мирно с ними беседуя. Все, начиная с потери подковы, до встречи с этими джентльменами, сложилось очень несчастливым, так

как в то время с откоса Арвенака спускался как раз мастер Питер Годольфин. Сэр Андрию и мастер Бэн рассказывали впоследствии, что мастер Питер казался пьяным, настолько покраснелось его лицо и так блестели его глаза, так глух был голос и так эксцентрично и странно было все, что он говорил. Он любил вино, так же как и Джон Киллигрю, и он обедал в этот день с сэром Джоном. Он принадлежал к тем людям, которые, выпивши, становятся придирчивыми. Сэр Оливер был как раз подходящей кандидатурой, чтобы сорвать на нем скверное настроение, и присутствие других только еще больше подзадорило его. В своем опьянении он вспомнил, что как-то ударил сэра Оливера, а сэр Оливер засмеялся и сказал, что никто этому не поверит. Он так сильно дернул лошадь за уздцы, что она почти присела, но он все же удержался в седле. Потом он стал пробираться через снег, лежавший вокруг кузницы, совсем грязный и растоптанный, и подмигнул сэру Оливеру. – Я еду из Арвенака, – сказал он ни с того, ни с сего, – мы говорили о вас. – Вы действительно не могли найти более интересной темы? – сказал Оливер улыбаясь, но глаза его смотрели сурово и слегка испуганно – хотя испуг не относился лично к нему. – Да, вы правы, вы и ваш развратный отец представляете интересную тему. – Сэр! – ответил сэр Оливер. – Я уже раз напомнил вам об отсутствии стыда у вашей матери. Слова эти вырвались у него под влиянием брошенного ему оскорбления, они вырвались в минуту слепого гнева, вызванного покрасневшимся и насмешливым лицом, смотревшим на него. Но как только они вырвались, он уже раскаивался в них так как они были встречены взрывом смеха со стороны крестьян. Он отдал бы в эту минуту половину своего богатства, чтобы они не были сказаны. Лицо мастера Годольфина мгновенно изменилось, точно он сорвал с лица маску. Из совершенно красного оно сделалось мертвенно-бледным, глаза сверкали, рот судорожно подергивался, Он несколько минут смотрел на своего врага. Потом привстал на стременах, взмахнул кнутом... – Собака! – крикнул он, задыхаясь – Собака! – И опустив плетку, он провел длинную красную полосу по смуглому лицу сэра Оливера. С криком ужаса и гнева священник, судья и все остальные бросились между ними. – Стыдитесь, мастер Годольфин, – воскликнул священник. – Если из этого произойдет что-нибудь худое, я буду свидетельствовать о вашей грубости. Убирайтесь отсюда. – Идите к черту, сэр, – сказал грубо мастер Годольфин. – Этот ублюдок смеет произносить имя моей матери. Нет, на этом дело не кончится. Он пошлет ко мне секундантов или я буду бить его каждый раз при встрече. Слышите ли, сэр Оливер? Оливер не отвечал. – Слышите ли? – проревел он. – Теперь не будет случая выместить вашу ссору на сэре Джоне. Приходите ко мне и получите наказание: этот удар кнута является только задатком. – После этого он с глухим смехом так яростно всадил стремяна в бока своей лошади, что священнику и всем другим пришлось отскочить в сторону. – Подождите, пьяный дурак, больше вы не будете ездить на

лошади, – крикнул ему вслед сэр Оливер. И он гневно заревел, чтоб ему привели лошадь, – отбросил священника и мастера Бэна, которые пытались его удержать и успокоить, и, вскочив в седло, в бешенстве бросился за Питером. Священник посмотрел на судью, а судья молчал, сжав губы. – Мастер Питер пьян, – сказал сэр Андрию, качая седой головой. – Он недостойн предстать перед создателем.

– Но, по-видимому, торопится это сделать – сказал мастер Бэн, – я боюсь, что мне еще придется услышать об этом деле.

Глава IV

Посредник

Священник решил поехать за сэром Оливером и попросил мастера Бэна присоединиться к нему, но судья решил, что не стоит. Трессилианы все необузданные и кровожадные, и разгневанных Трессилианов надо избегать. Пусть мастер Годольфин и сэр Оливер разберутся сами, а если они при этом перережут друг другу глотки, то по крайней мере окрестная местность будет избавлена от беспокойного элемента. Они разбрелись во все стороны, разнося весть об этой стычке и предсказывая кровопролитие. Это предсказание основывалось на их знании трессилиановского характера, но в этом они были кругом неправы. Правда, сэр Оливер понесся галопом вдоль по берегу реки Пенрин и проскакал по мосту в город Пенрин следом за Годольфином, пылая желанием убийства. Люди, видевшие его бешено мчавшимся с красной полосой через лицо, говорили, что он был похож на дьявола. Он переехал мост у Пенрина через полчаса, после захода солнца. Сумерки уже переходили в ночь и, может быть, острый морозный воздух охладил его кровь, так как, доехав до западного берега реки, он умерил галоп. Память о данной Розамунде три месяца тому назад клятве мучила его как физическая боль. Вспомнив ее, он поехал рысью. Как близок он был к тому, чтоб разбить предстоявшее ему счастье. Что такое был удар кнута мальчишки, чтоб подвергать опасности все свое будущее? Если даже люди назовут его трусом за то, что он смолчал и не отомстил за оскорбление, что за беда? Сэр Оливер поднял глаза к темно-сапфировому небу, где сверкала одна звезда, и поблагодарил бога от всего сердца за то, что он не догнал Питера Годольфина в тот момент, когда был взбешен. За милую или больше от Пенрина он свернул на ту дорогу, которая вела к перевозу, и с

опущенными удилами поехал домой через холм. Это не был его обычный путь. Он ездил через мыс Трефузис, чтоб бросить взгляд на стены того дома, где жила Розамунда, и увидеть ее окошко. Но сегодня он решил, что короткая дорога будет безопаснее. Если он проедет мимо замка Годольфин, он может встретиться с Питером. Он так боялся самого себя после того, что произошло, что решил на следующий день покинуть Пенарроу. Он может поехать в Лондон или отправиться в новый рейс – мысль, которую он, по настоятельным просьбам Розамунды, совсем оставил. Ему было необходимо уехать из этой местности, от Питера Годольфина до тех пор, пока он не сможет жениться на Розамунде. Он напишет ей, и она поймет его и согласится с ним, если он расскажет ей, что произошло сегодня. В Пенарроу он сам отвел лошадь в конюшню; один из его грумов уехал накануне с его разрешения в Деван, чтоб провести Рождество со своими родными, другой простудился, и сэр Оливер приказал ему лечь в постель, так как он вообще относился к своим слугам очень заботливо. В столовой он нашел готовый ужин, а в камине горел огонь, распространяя в огромной комнате приятное тепло и отражаясь в оружии, украшавшем стены, и на портретах покойных Трессилианов. Услышав его шаги, вошел старый Никлас, неся канделябр, который он поставил на стол. – Как вы поздно, сэр Оливер, – сказал слуга, и мастера Лайонеля тоже нет дома. – Сэр Оливер нахмурился. Он вспомнил Мальпас и проклял безумие Лайонеля. Не говоря ни слова, он скинул с себя плащ и бросил его на дубовый сундук, стоявший у стены.

Потом коротко приказал подать ужин. – Мастер Лайонель, – сказал он, – вероятно скоро вернется. И дайте мне чего-нибудь выпить. – Я приготовил вам канарского вина, – объявил Ник, – нет ничего лучше этого в морозную зимнюю ночь, сэр Оливер. Он ушел и сразу вернулся, неся большой кожаный мех. Он застал своего хозяина все в той же позе, смотрящего нахмурившись в огонь. Мысли сэра Оливера были около его брата и Мальпаса, и они были так упорны, что он в этот момент забыл о своих собственных делах. Он думал о том, не является ли его долгом попробовать поговорить с братом. Наконец, он встал и со вздохом пошел к столу. Тут он вспомнил о своем больном груме и спросил Никласа о нем. Никлас ответил, что парень все в том же положении, после чего сэр Оливер взял кубок и наполнил его дымящимся напитком. – Снесите ему, – сказал он, – при его болезни это лучшее средство. Снаружи послышался стук копыт.

– Вот наконец и мастер Лайонель, – сказал слуга.

– Несомненно, – ответил сэр Оливер. – Не стоит вам ожидать его; здесь есть все, что ему необходимо. Снесите это Тому раньше, чем оно простынет. Он хотел удалить слугу, когда придет Лайонель, решив встретить его нотацией за его безумство. Дверь открылась. Брат его был на пороге. Сэр Оливер со вздохом оглянулся – на его губах уже было хорошо обдуманное замечание. – Итак, – начал он, и замолчал, То, что он увидел, остановило слова на его устах. Он вскочил на ноги и испуганно воскликнул: – Лайонель! Лайонель вошел, крадучись, в комнату, закрыл дверь и задвинул один из засовов, После этого он оперся на нее спиной, пристально смотря на брата. Он был бледен, как смерть, под его глазами были огромные темные круги, Его правая рука без перчатки была прижата к боку, и пальцы ее были сплошь залиты кровью, которая струилась между ними. На желтом камзоле с правой стороны было растекающееся темное пятно, о происхождении которого сэр Оливер ни минуты не был в сомнении.

– Бог мой, – воскликнул он и подбежал к брату. – Что случилось, Лаль? Кто это сделал? – Питер Годольфин, – был ответ, и губы Лайонеля сложились в странную усмешку. Сэр Оливер не сказал ни слова, он только сжал губы и так стиснул руки, что ногти врезались в ладони. После этого он обнял мальчика, которого после Розамунды любил больше всего на свете, и повел к огню. Лайонель опустился на стул, на котором только-что сидел сэр Оливер. – Какая у вас рана, мой мальчик? Глубока ли она? – спросил он со страхом.

– Нет, пустяки – поверхностная. Но я потерял бездну крови. Я думал, что истеку кровью, раньше, чем доберусь домой.

Сэр Оливер быстро выхватил кинжал и разрезал камзол, жилет и рубашку, обнажив белое тело мальчика. После минутного исследования он вздохнул с облегчением. – Ты еще ребенок, Лаль. Ты едешь дальше, не подумав остановить кровь из такой пустяшной раны и теряешь ее так много, хотя это и скверная трессилиановская кровь. Он засмеялся, так сильна была реакция от только-что пережитого им ужаса. – Сиди здесь, а я позову Ника, чтоб он помог мне перевязать эту царапину. – Нет, нет, – голос мальчика звучал испуганно, и он схватил брата за рукав. – Ник не должен знать. Никто не должен знать, иначе я погиб. Сэр Оливер смотрел на него с удивлением. Лайонель снова странно усмехнулся какой-то боязливой усмешкой. – Я заплатил больше, чем получил, Нолл, – сказал он. – Мастер Годольфин сейчас так же холоден, как тот снег, на котором я его оставил.

Брат вздрогнул, и его побледневшее лицо испугало Лайонеля. Он точно подсознанием заметил красный шрам, обрисовавшийся, когда краска сбежала с лица сэра Оливера, но не спросил о его происхождении. – Что случилось? – хрипло спросил наконец Оливер. Лайонель опустил глаза, не в силах вынести его странного взгляда. – Он хотел этого, – пробормотал он, отвечая на молчаливый упрек брата. – Я предостерегал его, чтоб он не попался на моем пути. Но сегодня вечером на него нашло какое-то безумие. Он оскорблял меня, Нолл. Он говорил вещи, которых ни один человек не мог бы вынести, и... – Он замолчал, дополняя этим свой рассказ. – Ну хорошо, – тихо сказал Оливер, – сперва перевяжем вашу рану.

– Не звоните Нику, – быстро попросил Лайонель, – Разве вы не понимаете, Нолл? – сказал он на вопросительный взгляд брата, – разве вы не понимаете, что мы боролись почти в темноте и без свидетелей. Это, – он стал заикаться, – это назовут убийством, хотя это была дуэль, и если узнают, что это я... – Он вздрогнул, и его взгляд стал диким. Губы его дергались. – Я понимаю, – сказал Оливер, который, наконец, понял и горько прибавил: – Вы безумец! – У меня не было выбора, – возражал Лайонель. – Он подошел ко мне с обнаженной шпагой. Право, я думаю, что он был пьян. Я предостерегал его от того, что должно случиться с другим, если один из нас падет, но он просил меня не беспокоиться за него. Он говорил подлые слова обо мне и о вас и обо всех, кто носит наше имя. Он ударил меня плашмя своей шпагой и грозился проколоть меня, если я не вытащу своей, чтоб защищаться. Какой у меня мог быть выбор? Я не имел намерения убить его. Бог мне свидетель, я не имел, Нолл... Не говоря ни слова, Оливер подошел к боковому столику, на котором стояли металлический таз и кувшин. Он налил воды и так же молча начал обмывать рану брата. Омыв рану, он взял несколько скатертей из шкафа и кинжалом разрезал их на полосы, расщипал одну из них и наложил корпии на рану; шпага прошла как – раз по грудным мускулам, задев ребра. Потом умело и ловко приступил к перевязке, чему он научился в своих скитаниях. Сделав это, он открыл окно и вылил кровяную воду. Тряпки, которыми он обмывал рану и все другие предметы, свидетельствовавшие о перевязке, он бросил в огонь. Он должен скрыть все следы даже от Никласа. Он вполне доверял старому слуге. Но это было слишком серьезно, чтоб рисковать. Он вполне понимал страх Лайонеля, так как, какова бы ни была борьба, закон признает это дело, совершенное в тайне, за убийство. Приказав Лайонелю завернуться в плащ, сэр Оливер открыл дверь и поднялся по лестнице в поисках чистой рубашки и камзола для брата. На лестнице он увидел спускающегося Никласа. Он на минуту задержал его разговором о больном и по крайней мере наружно казался совсем спокойным. Потом он послал его наверх, придумав какой-то пустой предлог, а сам пошел достать нужные вещи. Он

спустился вниз и помог своему брату надеть другое платье, стараясь как можно меньше беспокоить его при переодевании, чтоб рана не начала кровоточить, потом взял залитые кровью камзол, жилет и рубашку, разрезал их на куски и бросил тоже в огонь. Когда Никлас вошел через несколько минут в большую комнату, он увидел братьев спокойно сидящими за столом. Если б он посмотрел на Лайонеля, то бледность последнего заставила бы его предположить, что тут что-то неладно. Но Лайонель сидел спиной к двери, и сэр Оливер остановил слугу. Лайонель ел очень мало. Ему хотелось пить, и он опустошил бы весь мех, но сэр Оливер его остановил и позволил ему пить только воду, во избежание лихорадки. Свой скудный ужин – ни у кого их них не было аппетита – они съели молча. Наконец, сэр Оливер встал и тихими, но тяжелыми шагами, указывавшими на его настроение, подошел к камину. Он бросил в огонь свежие поленья и взял с камина трубку и кисет с табаком. Задумчиво набив трубку, он схватил короткими железными щипцами кусок горящего полена и прикоснулся им к табаку. Вернувшись к столу и стоя около брата, он прервал молчание.

– Что, – мрачно спросил он, – послужило поводом к вашей ссоре? Лайонель вздрогнул и отшатнулся. Он мял между пальцами кусочек хлеба, устремив на него глаза, – Я не знаю! – ответил он. – Лаль, это неправда!

– Почему? – Это неправда, я не удовлетворюсь этим ответом. Вы только-что сказали, что предупреждали его, чтоб он не попадался на вашем пути. Лайонель оперся локтями на стол и опустил голову на руки. Ослабев от потери крови и от нравственного потрясения, он не чувствовал в себе силы скрывать от брата то, что случилось. – Эта распутница в Мальпасае виной всему, – пожаловался он. Глаза сэра Оливера вспыхнули при этих словах. – Я считал, что она совсем другая, – он остановился и из его груди вырвалось рыдание. – Я думал, что она любит меня. Я собирался жениться на ней, я женился бы. Сэр Оливер тихо выругался. – Я считал ее чистой и хорошей и... – Он остановился, – впрочем, это не ее вина. Это он, собака Годольфин, испортил ее. До его прихода все шло хорошо. А потом... – Догадается ли эта женщина, что это дело ваших рук? – Догадается ли она? – ответил Лайонель. – Я сегодня сказал ей, когда она издевалась надо мной и говорила о нем, что я сейчас же найду его и расквитаюсь с ним. Я направлялся в замок Годольфин, когда встретил его в парке. – Значит, вы солгали мне, Лайонель, сказав, что это он напал на вас? – Так и было, – быстро вставил Лайонель. – Он не дал мне опомниться, слез с коня и направился ко мне, ворча, как строптивый ублюдок. О, он также был готов к бою, так же желал его, как я. – Но женщина в Мальпасае знает, – сказал сэр Оливер мрачно, – и если она скажет... – Она не скажет, – воскликнул Лайонель, – она не посмеет из-за своей репутации. – Да, я думаю, вы правы, – с облегчением

согласился Оливер. – Вы уверены, что никто не видел вас уходящим и возвращающимся? – Никто. Сэр Оливер шагнул назад и вперед по комнате, куря трубку. – Ну, тогда я думаю, что все будет хорошо, – сказал он. – Теперь вам лучше всего лечь в постель, я снесу вас туда. Он взял брата на свои сильные руки и понес его по лестнице. Когда Оливер увидел его спокойно дремлющим, он спустился вниз, закрыл входную дверь, подвинул большое дубовое кресло к огню и сидел до поздней ночи куря и раздумывая. Он сказал Лайонелю, что все будет хорошо. Если б жертвой был кто-нибудь другой, а не брат Розамунды, то это его очень мало беспокоило бы. Самый факт убийства Годольфина, надо сознаться не мучил его. Годольфин заслужил такой конец и давно получил бы его из рук самого Оливера, если б не был братом Розамунды. Вот в чем было главное препятствие. Ее брат пал от руки его брата. Она любила своего брата больше всех на свете после него, так же, как и он любил Лайонеля больше всех после нее. Он чувствовал ее горе, он уже мысленно разделял его с ней. Наконец, он встал, проклиная распутницу из Мальпаса, из-за которой возникло это новое затруднение там, где их и так было много. Он стоял, прислонившись к камину, опершись ногой о каминную решетку, и думал о том, что ему предпринять. Он должен молча нести эту тяжесть. Он должен скрывать это от Розамунды. Сердце его разрывалось на части при мысли, что он должен будет ее обмануть. Но не было другого выхода, разве только отказаться от нее – а это было выше его сил. Приняв это решение, он взял свечу и отправился спать.

Глава V

Защитник

Старый Никлас сообщил им на следующее утро новость. Лайонель остался бы в этот день в постели, но боялся возбудить подозрения. Его слегка лихорадило – последствие его раны и потери крови, но он скорее радовался этому, так как щеки его покраснелись. Опираясь на руку брата, он спустился, чтоб позавтракать селедками и пивом еще до восхода зимнего декабрьского солнца. Никлас вбежал к ним бледный и весь трясаясь. Он с ужасом в голосе рассказал им про это происшествие, и оба брата изобразили испуг и недоверие. Самое ужасное было то, что теперь сообщил старик и что его главным образом разволновало. – И они говорят, – воскликнул он, – они говорят, что это вы убили его, сэр Оливер! – Я? – удивленно воскликнул сэр Оливер и вдруг в его мозгу мелькнули тысячи причин, почему вся округа должна прийти к этому

заклучению, и только к этому. – Где вы слышали эту ложь? Взволнованный, он не слушал ответа Никласа. Не все ли равно, где старик услышал. Теперь это обвинение было на устах всех. Был только один выход, и к нему он должен был немедленно прибегнуть, как раз уже сделал в подобном случае. Он должен был поехать прямо к Розамунде, чтоб первым рассказать ей о том, о чем будут говорить другие. Дай бог, чтоб он не опоздал. Он замешкался только, чтоб надеть сапоги и шляпу и оседлать лошадь и понесся по полям прямо к своей цели. Он никого не встретил до въезда во двор замка Годольфин. Когда он приблизился, его встретил шум взволнованных голосов. Но при виде его все удивленно замолчали и уставились на него. Он слез с лошади и остановился, ожидая, чтоб один трех грумов Годольфина, стоявших в толпе, принял у него лошадь. Никто не шевелился. – Что это, – крикнул он, – разве здесь нет слуг? Сюда, бездельник, держи мою лошадь. Грум, к которому он обратился, заколебался под пристальным, повелительным взглядом Оливера и медленно двинулся вперед, чтоб исполнить приказание. По толпе пробежал шепот. Сэр Оливер бросил на них взгляд, и все задрожали. Среди общего молчания, он поднялся по ступеням и вошел в холл, усыпанный дроком. Он слышал как за его спиной снова поднялся гул голосов. Но он не обратил на это внимания. Он встретился лицом к лицу со слугою, который отступил при виде его, смотря на него так же, как смотрели стоявшие на дворе. Сердце его упало. Было очевидно, что он уже опоздал, слухи опередили его. – Где ваша госпожа? – спросил он. – Я... я скажу ей, что вы здесь, сэр Оливер, – сказал слуга дрожащим голосом и вышел в дверь направо. Сэр Оливер стоял несколько секунд, ударяя кнутом по своим сапогам, Лицо его было бледно, а между бровями легла глубокая морщина. Слуга снова появился, запирая за собой дверь.

– Миссис Розамунда просит вас уехать, сэр. Она не желает вас видеть. Одну секунду сэр Оливер смотрел на лицо слуги. Потом, вместо ответа, направился к той двери, из которой вышел этот человек. Слуга заслонила дверь, и лицо его было решительным. – Сэр Оливер, моя госпожа не желает видеть вас. – Прочь с дороги! – крикнул тот с гневом и презрением, а так как слуга продолжал стоять, исполняя свой долг, он схватил его за грудь камзола, отшвырнул в сторону и вошел. Она стояла посреди комнаты, одетая по какой-то странной иронии, как невеста, во все белое, но ее платье было не таким белым, как ее лицо. Глаза ее были подобны двум черным пятнам; они строго и испуганно посмотрели на дерзкого, который не принял отказа. Губы ее раздвинулись, но у нее не было для него слов. Она смотрела на него с ужасом, парализовавшим его смелость. Наконец, он заговорил: – Я вижу, – сказал он, – что вы слышали ложь, передающуюся по всей местности. Это плохо, но я вижу, что вы поверили ей, а это еще хуже. Она продолжала холодно смотреть на него, полная негодования, –

этот ребенок, который два дня тому назад лежал у него на груди и смотрел на него с верой и обожанием. – Розамунда! – воскликнул он, подходя к ней, – Розамунда, я пришел, чтоб сказать вам, что это ложь. – Вам лучше уйти, – сказала она, и в ее голосе было нечто, что заставило его задрожать. – Уйти? – повторил он. – Вы велите мне уйти? Вы не хотите выслушать меня? – Я несколько раз соглашалась выслушать вас, я отказывалась выслушать других, которые знали лучше меня, и не обращала внимания на их предостережения. Нам больше не о чем говорить. Я молю бога, чтоб они арестовали вас и повесили. Он смертельно побледнел. Первый раз в жизни он почувствовал страх, все его огромное тело дрожало. – Пусть они повесят меня, я буду рад этому, раз вы поверили. Они не могут сделать мне больнее, чем делаете вы. Повесив меня, они не отнимут у меня ничего для меня ценного – раз ваша вера в меня исчезла при первых донесшихся до вас слухах. Он увидел как ужасная улыбка искривила бледные губы. – Это мне кажется больше, чем слухи, – сказала она. – Розамунда, клянусь вам своей честью, что я не принимал участия в убийстве Питера. Пусть бог накажет меня на этом самом месте, если это неправда. – По-видимому, – услышал он за собой суровый голос – вы так же мало боитесь бога, как и людей. Он обернулся и увидел сэра Джона Киллигрю, вошедшего вслед за ним. – Итак, – сказал он тихо, и глаза его сделались твердыми и блестящими как агат, – это дело ваших рук. – Дело моих рук? – спросил сэр Джон. Он закрыл за собой дверь и сделал несколько шагов по комнате. – Сэр, мне кажется, что ваша дерзость и ваше бесстыдство перешли все границы. Ваше... – Довольно, – прервал его сэр Оливер, ударяя по столу своим огромным кулаком. Его вдруг охватил гнев. – Вот как вы заговорили. Вы приходите сюда в дом умершего, в дом, который вы наполнили печалью. – Довольно, или здесь действительно произойдет убийство!

Вид у него был ужасен. И сэр Джон отступил. Но сэр Оливер тотчас же овладел собой. Он повернулся к Розамунде. – Простите меня, – взмолился он, – я сошел с ума, сошел с ума от беспокойства. Я не любил вашего брата, это верно. Но как я поклялся вам, так я и поступил. Я принимал от него удары и улыбался. Не далее как вчера он оскорбил меня публично – он ударил меня по лицу своим кнутом – след еще виден. Тот, кто скажет, что я не хотел его за это убить, лжец и лицемер. Но мысль о вас, Розамунда, мысль, что он ваш брат была достаточной, чтоб убить во мне гнев. И теперь, когда какой-то ужасный случай привел к его смерти, наградой мне за все мое терпение, за все мои мысли о вас, является обвинение меня в убийстве, – и вы этому верите. – У нее нет выбора, – вставил Киллигрю. – Сэр Джон, – воскликнул он, – про вас не вмешиваться. То, что вы этому поверили, доказывает, что вы безумец, а совет безумца это плохой материал, из которого нельзя строить. Представьте себе, что я желал бы получить удовлетворение за нанесенную мне обиду. Неужели вы так мало

знаете людей и тем более меня, неужели вы думаете, что я обделал бы это таким тайным способом, чтоб накинуть себе на шею петлю палача? Недурная месть. Разве так я поступил с вами, сэра Джон, когда вы позволили себе слишком много болтать, в чем вы сами признались? Вы ведь более сильный противник, чем был бедняга Питер Годольфин, но все же я, ища удовлетворения, пошел прямо и мужественно к вам. Вы хорошо знаете, как я владею оружием. Разве я не поступил бы точно так же с Питером, если бы мне нужна была его жизнь? Разве я не сделал бы это тем же открытым способом, не мог бы убить его в свое удовольствие, без риска и без упреков? Сэр Джон задумался. Здесь была ясная и твердая, как лед, логика – а дворянин из Арвенака не был глупцом. Но пока он стоял, нахмурившись, слушая эту длинную тираду, Розамунда ответила сэру Оливеру. – Итак, вы говорите, что вас никто бы не упрекнул?

Он обернулся к ней и смутился, он понял, о чем она думает. – Вы думаете, – тихо и мягко сказал он, – что я так низок, что мог бы совершить тайно то, что из-за вас не решился бы совершить открыто? Вы это думаете, Розамунда? Я горю за вас от стыда – как вы можете думать так о том, кого, как вы говорили, любили. Холодность ее исчезла. Под ударом его горьких и гневных слов ее собственный гнев возрос. – Вы подлый обманщик, – воскликнула она. – Есть люди, которые слышали, как вы обещали его убить. Мне передавали ваши собственные слова. И оттуда, где его нашли, следы крови по снегу вели прямо к вашей двери. Вы все еще будете лгать! – Следы крови... – бессмысленно пробормотал он. – О, отвечайте на это, – вмешался сэра Джон, при этом напомнимании пробудившийся от своих сомнений. Сэр Оливер снова повернулся к Киллигрю. Слова этого дворянина придали ему мужество, которого лишили его слова Розамунды. С мужчиной он мог сражаться, с женщиной не надо было обдумывать свои слова. – Я не могу ответить на это, – сказал он твердо. – Раз вы говорите, что это так, значит, так оно и есть. Но что это доказывает? Разве это дает право женщине, которая любила меня, считать меня убийцей и даже хуже? Он замолчал и снова посмотрел на нее – в его глазах было море упреков. Она упала на стул, вся дрожа, пальцы ее сплетались и расплетались, а лицо было маской невыразимого страдания. – Не объясните ли вы, что это доказывает? – сказал сэра Джон, и в голосе его слышалось колебание. Сэр Оливер уловил это, и у него вырвалось рыдание. – Милосердный боже, – воскликнул он, – в вашем голосе слышно колебание, а у нее его нет. Вы когда-то были моим врагом, и все-таки сомневаетесь в том, я ли это совершил. Но она, она, которая любила меня, она ни в чем не сомневается. – Сэр Оливер, – ответила она ему, – то, что вы совершили, убило меня. Но, принимая во внимание все то, что побудило вас совершить этот поступок, я думаю, что могла бы вас простить, но стать вашей женой я не смогу. Я могла бы вам простить, если б не та низость, с которой вы

все отрицаете.

Он посмотрел на нее, смертельно бледный, потом повернулся и пошел к двери, Там он остановился. – Я понимаю вас, – сказал он, – вы хотите, чтоб меня судили за этот проступок. – Он засмеялся. – Кто будет обвинять меня перед законом. Вы, сэр Джон? – Если миссис Розамунда пожелает этого, буду я, – ответил сэр Джон. – Пусть так. Но не считаете же вы меня таким человеком, который даст себя послать на виселицу по тем слабым уликам, которые удовлетворяют эту леди. Если обвинитель будет опираться на следы крови, ведущие к моей двери, и на то, что я, разгневанный, сказал вчера несколько слов, то я не позволю судить себя. Нет, спор должен быть разрешен в бою с моим обвинителем. Это мое право, и я его использую. – Я сама буду обвинять вас, – слышался глухой голос Розамунды, – и если вы хотите, то можете доказать на мне свою правоту и зарезать меня, как зарезали его. – Да простит вас бог, Розамунда, – сказал сэр Оливер и вышел. Когда он вернулся домой, в его сердце был ад. Он не знал, что ждет его в будущем, но его злоба против Розамунды была так велика, что в его сердце не было места отчаянию. Им не удастся повесить его. Он будет отбиваться руками и ногами, и все же Лайонель не должен пострадать. Он позаботится об этом. Мысль о Лайонеле немного изменила его настроение. Как легко было ему разбить их обвинение, как легко было ему заставить ее на коленях умолять его о прощении. Он мог сделать это одним словом, но он не сделает этого, так как это слово погубило бы его брата. В тихие ночные часы, когда он лежал без сна и спокойнее смотрел на вещи, его настроение несколько переменялось. Он перебрал в уме все улики, которые привели ее к этому заключению, и принужден был признаться, что она была не так виновата. Если она была неправа по отношению к нему, то и он был неправ по отношению к ней. Годами она выслушивала все то, что говорили о нем его враги, а своим высокомерием он приобрел их не мало. Она ни на что не обращала внимания, потому что любила его. По этой причине отношения ее с братом стали натянутыми, и теперь все это сломило ее. Тяжелый крест выпал ему на долю. Но из-за Лайонеля он должен был с твердостью нести его. Он не должен жертвовать Лайонелем из-за своего эгоизма. Он был бы низким человеком, если хоть на минуту задумался бы над таким выходом. Но если он и не помышлял об этом, то это делал Лайонель, и все эти дни были для него полны ужаса, ужаса, который не давал ему уснуть и так измучил его, что на второй день после этого ужасного происшествия, он выглядел как привидение, глаза его впали, и он весь исхудал. Сэр Оливер уговаривал его и старался его ободрить. Кроме того, в этот день случилось еще нечто другое, что увеличило ужас. Судьям в Труро было заявлено об убийстве, и о том, кто обвиняется, но они категорически отказались принять участие в этом деле. Одним из судей был тот самый мастер Антони Бэн,

свидетель нанесенного сэру Оливеру оскорбления. Он заявил, что то, что случилось с мастером Годольфином, было им вполне заслужено, что совесть честного человека ни за что не позволит ему дать констеблю предписание об аресте. Сэр Оливер узнал об этом от другого свидетеля, священника, который сам вытерпел много грубостей от Годольфина и всецело был согласен с мнением судьи. Сэр Оливер поблагодарил их, но заявил, что он не виноват, несмотря на то, что все свидетельствует против него. Но когда два дня спустя сэр Оливер узнал, что вся окрестная местность возмущена мастером Бэном из-за его отношения к этому делу, то он заехал за священником и отправился с ним в дом судьи в Труро. – Мастер Бэн, – сказал он, когда они втроем заперлись в библиотеке этого джентльмена; – я слышал ваше справедливое и доблестное суждение и приехал поблагодарить вас и выразить свое восхищение вашим мужеством. Мастер Бэн степенно поклонился. – Но так как я не хочу, чтоб ваш поступок имел неприятные последствия, то я пришел заявить, что вы поступили даже более правильно, чем сами считаете, и что я не убийца. – Вы не убийца? – удивленно воскликнул мастер Бэн. – О, уверяю вас, перед вами я не стал бы скрывать. У меня есть доказательства, и я пришел представить их вам сейчас, пока это еще возможно. Я не хочу, чтоб это стало всеобщим достоянием, мастер Бэн, но я попрошу вас составить нужный документ, который сможет удовлетворить в будущем суд, если делу будет дан ход, что легко может произойти. Одной из главных улик против меня – даже самой главной – является то, что от тела Годольфина до моей двери шли кровавые следы. Оба слушателя казались сильно заинтересованы. Священник смотрел на него, не мигая. – Из этого логическим выводом является то, что убийца должен был быть ранен при столкновении. Так как это не могла быть кровь жертвы, следовательно это должна быть кровь убийцы. Что убийца был ранен, это нам известно, так как шпага Годольфина была в крови. Теперь вы, мастер Бэн, и вы, сэр Андрию, будьте свидетелями, что на моем теле нет ни малейшей царапины. Я предстану перед вами таким же нагим, как в первый момент появления своего на свет, и вы сами убедитесь в этом. После этого я попрошу вас, мастер Бэн, составить документ, о котором я упоминал. – И говоря это, он снял свой камзол. – Но так как я не хочу дать удовлетворение тем олухам, которые меня обвиняют, чтоб они не подумали, что я их боюсь, то я прошу вас, чтобы вы держали все это в тайне, пока события не заставят обнародовать. Они поняли разумность его предложения и после того, как произвели исследование, были совершенно ошеломлены, так как убедились, что все их предположения были разбиты. Мастер Бэн написал просимый документ, подписал его и запечатал, а сэр Андрию, как свидетель, прибавил к нему свою подпись и печать. С этим пергаментом, который должен был в будущем послужить ему защитой, сэр Оливер, довольный, уехал домой. Когда это станет безопасным, он покажет этот

документ сэру Джону Киллигрю и Розамунде, и все еще может кончиться счастливо.

Глава VI

Джеспер Лей

Если в замке Годольфин это Рождество было печальным, то не менее печальным было оно и в Пенарроу.

Сэр Оливер был все время молчалив и расстроен и сидел целыми часами, глядя в огонь и вновь и вновь вспоминая свое свидание с Розамундой. Он то негодовал на нее, что она так слепо поверила в его вину, то начинал прощать ее, потому что улики против него были так сильны.

Его сводный брат тихо бродил по дому, стараясь сделаться незаметным и не решаясь нарушить одиночество сэра Оливера. Ему было хорошо известно, что произошло в замке Годольфин, он знал, что Розамунда отказала навсегда сэру Оливеру, и у него болела душа, что он взвалил на плечи брата ту тяжесть, которую должен был нести сам. Все это так мучило его, что он как-то вечером заговорил об этом.

– Нолл, – сказал он, стоя за стулом брата в полутемной комнате и положив руку брату на плечо, – не лучше ли будет сказать всю правду?

Сэр Оливер нахмурившись взглянул на него. – Ты сошел с ума! – сказал он. – Правда приведет к тому, что тебя повесят, Лаль.

– Может быть, и нет – во всяком случае ваши страдания хуже, чем повешение. Я каждый час всю эту неделю следил за вами и знаю, что мучает вас. Это несправедливо. Лучше было бы нам сказать всю правду, – настаивал он.

Сэр Оливер грустно усмехнулся. Он протянул руку и взял руку брата.

– Благородно с вашей стороны предлагать это, Лаль.

– Наполовину не так благородно, как то, что вы страдаете за мой поступок.

Сэр Оливер нетерпеливо пожал плечами. Он отвел глаза от Лайонеля и снова стал смотреть в огонь.

– Помимо того, я в любой момент могу сбросить с себя эту тяжесть – это сознание помогает переносить испытание.

Он проговорил это резким, циничным тоном, и Лайонель весь похолодел при этих словах. Он несколько времени простоял молча, обдумывая их и стараясь разгадать. Он решил просто попросить у брата разъяснения – но у него не хватало мужества. Он боялся, что сэр Оливер подтвердит то, что он сам думает. Несколько дней после этого в голове его вертелась эта фраза: «Я в любой момент могу сбросить эту тяжесть». Очевидно, сэр Оливер под этим подразумевал, что при желании легко может оправдаться. Он не представлял себе, что сэр Оливер заговорит. Но тяжесть эта может стать ему не по силам, он может начать слишком тосковать по Розамунде; горе при мысли, что она считает его убийцей брата, слишком невыносимо.

Лайонель дрожал при одной мысли о том, какие это может иметь последствия для него. Он сознавал, что его предложение открыть всю правду было неискренним – оно вырвалось просто под влиянием минуты; если б брат признал это предложение, ему пришлось бы горько раскаиваться.

Лайонель старался уверить себя в том, что его брат был сильным человеком, никогда не теряющим власть над собой. Но есть предел тому, что может вынести человек, как бы силен он ни был. Если это будет так, то что ждет его? Ответом на это была картина, которую он не имел сил себе представить. Опасность была теперь больше, чем если б он сразу признался. То, что он тогда мог рассказать, заслужило бы некоторое внимание, так как он был человеком незапятнанной репутации, и слово его имело вес. Но теперь никто ему не поверит. Из его молчания и из того, что он допустил, чтоб несправедливо обвинили его брата, сделают вывод, что он труслив и бесчестен, и, значит, нет оправдания его поступку. Не только его безусловно осудят, но суд будет позорный – все честные люди станут презирать его, и ни одна слеза не прольется о бесчестном человеке.

Он пришел к ужасному заключению, что, желая спасти себя, он запутался еще больше. Если Оливер заговорит, то он пропал. И он снова вернулся к вопросу: какая гарантия у него в том, что Оливер не заговорит?

Боязнь эта стала мучить его день и ночь, и, несмотря на то, что лихорадка у него прошла и рана его совсем зажила, он оставался бледным и тощим. Войдя как-то днем в столовую, которая была любимым убежищем сэра Оливера в доме в Пенарроу, Лайонель застал своего брата сидящим в размышлении, оперев локти на колени, положив подбородок на ладони и глядя в огонь.

– Почему вы сидите перед огнем, как старая баба? – проворчал он, давая выход поднимавшемуся в нем раздражению.

Сэр Оливер обернулся и взглянул на него с кротким удивлением. Потом подошел и положил руки брату на плечи.

– Дорогой, – сказал он и потряс его, – что с вами? Вы худы, бледны и совсем на себя не похожи. Вот что я придумал. Я снаряжу судно, и вы отправитесь со мной на мои старые места набегов, там настоящая жизнь, жизнь, которая вернет вам вашу силу и жизнерадостность, и, может быть, также и мне – что вы на это скажете?

Лайонель посмотрел на него – глаза его оживились. Потом ему явилась одна мысль – мысль настолько низкая, что краска вновь залила его щеки, так ему стало стыдно. Если он отплывет с Оливером, то люди скажут, что он участвовал в преступлении брата.

Он сам отлично понимал, насколько презренны были его мысли, и ненавидел себя за них. Но он не мог избавиться от них. Это было сильнее его воли.

Брат его, видя его колебания и неправильно истолковав их, повел его к огню и усадил.

– Послушайте, – сказал он, сев напротив него на стул. – Здесь на рейде за Смиком стоит отличное судно. Вы, вероятно, видели его. Его шкипер – отчаянный искатель приключений, по имени Джеспер Лей; его каждый день можно найти в пивной в Пеникумуике. Я давно знаю его. Можно получить и его и его судно. Он готов на любое приключение, начиная от потопления испанских

судов до торговли рабами, и за хорошую цену мы можем купить его тело и душу. Это желудок, который ни от чего не отказывается, если только пахнет деньгами. Значит, корабль и шкипер есть, об остальном я позабочусь – экипаж, снаряжение, оружие – и в конце марта мы увидим, как Лизард скроется из глаз. Что вы скажете на это, Лаль? Это лучше, чем сидеть, повесив нос, в этой мрачной дыре.

– Я...я подумаю, – сказал Лайонель, но так тихо, что весь энтузиазм сэра Оливера испарился, и он больше ничего не говорил об этом предприятии.

Но Лайонель не совсем отверг эту мысль. Если с одной стороны она его отталкивала, то с другой она его привлекала. Он дошел до того, что у него появилась привычка ежедневно доезжать до Пеникумуика, и там он познакомился с грубым и странным авантюристом, о котором говорил сэр Оливер, и слушал о тех чудесах, о которых рассказывал этот человек.

Однажды в начале марта Джеспер Лей рассказал ему нечто другое.

– Одно слово по секрету, – мистер Трессилян, – сказал он. – Знаете ли вы, что здесь замышляют против вашего брата?

– Против моего брата?

– Да, по поводу убийства мастера Питера Годольфина на прошлое Рождество. Видя, что судебные власти сами ничего не предпримут, несколько человек подали петицию наместнику Корнваллиса, чтоб он приказал суду издать указ об аресте сэра Оливера по обвинению в убийстве. Но суд отказался исполнить приказание его светлости, отметив, что он поставлен королевой и в таких вещах отвечает только перед ней. А теперь я слышал, что отправлена петиция в Лондон самой королеве с просьбой приказать судьям исполнить свой долг или выйти в отставку.

Лайонель глубоко вздохнул и расширенными от ужаса глазами смотрел на моряка, ничего ему не отвечая.

Джеспер приложил свой длинный палец к носу, и глаза его стали лукавыми.

– Я хотел предупредить вас, сэр, чтоб сэр Оливер поостерегся. Он хороший моряк, а хороших моряков не так много.

Лайонель вытащил из кармана кошелек и, не взглянув даже на его содержимое, бросил в подставленную руку моряка, бормоча благодарность.

Он ехал домой в полном ужасе. Вот оно! Брат его теперь будет вынужден говорить. В Пенарроу его ожидал новый удар. Он узнал от старого Никласа, что сэр Оливер уехал в замок Годольфин. Сэр Оливер, не в состоянии более выносить существующего положения вещей, отправился, чтобы представить Розамунде то доказательство, которое он себе раздобыл. Он мог сделать это, нисколько не боясь задеть Лайонеля. Она отказалась принять его. Убитый возвратился он в Пенарроу и нашел брата, в страшном нетерпении ожидавшем его.

– Ну, – встретил его Лайонель, – что вы теперь будете делать?

Сэр Оливер посмотрел на него из под мрачно насупленных бровей.

– Что я буду делать теперь? О чем это вы говорите? – спросил он.

– Разве вы не слышали? – И Лайонель рассказал ему новость.

Сэр Оливер долго смотрел на него, потом плотно сжал губы и ударил себя по лбу.

– Вот как! – воскликнул он. – Не потому ли она отказалась принять меня. Может быть, она решила, что я приехал умолять ее о прощении? Неужели она могла это подумать? Неужели?

Он подошел к камину и гневно разбросал поленья сапогом.

– Что вы будете делать? – настаивал Лайонель, и голос его задрожал.

– Делать? – Сэр Оливер взглянул на него через плечо. – Проколю этот нарыв, клянусь богом. Покончу с ним, устыжу их и покрою позором.

Он сказал это грубо и гневно, и Лайонель отступил. Он опустился в кресло. Колени его дрожали от внезапно охватившего его страха. Значит, его предчувствия были основательными. Этот брат, выказывавший ему такую любовь, не в силах был довести своего дела до конца. И все же это было так непохоже на Оливера, что он все еще сомневался.

- Вы, вы скажете им правду? - спросил он глухим дрожащим голосом.

- Сказать им правду? Конечно, но только поскольку это касается меня. Неужели вы предполагаете, что я скажу им, что это сделали вы? Вы не считаете же меня на это способным?

- А какой же есть другой выход?

Сэр Оливер объяснил его ему. Это объяснение успокоило Лайонеля. Дальнейшие размышления возбудили в нем новые опасения. Он подумал, что если сэр Оливер докажет свою невиновность, то подозрение падет на него. Его опасения преувеличивали риск, который сам по себе был ничтожен. Если сэр Оливер представит доказательство того, что следы крови произошли не от него, то, как думал Лайонель, неминуемо придут к заключению, что это была его кровь. Это все равно, как если бы сэр Оливер сказал им всю правду, так как они не преминут добраться до нее. Если бы он обратился со своими опасениями к Оливеру, тот доказал бы ему, что раз отпадет обвинение против него самого, то никого больше не будут обвинять. На Лайонеля никогда не падало и тени подозрения и не может пасть. Но Лайонель не решался обращаться со своими опасениями к брату, в душе он стыдился их и считал себя трусом.

На другой день - бурный мартовский день - он снова очутился в трактире Пенникумуика в обществе Джеспера Лей. Ему пришла в голову мысль. Накануне вечером брат сказал что-то о том, что он пойдет со своими доказательствами к Киллигрю, раз Розамунда отказывается его принять. Лайонель знал, что Киллигрю отсутствует, но что его ожидают к Пасхе, а до Пасхи была только неделя. Когда Лайонель выпил большую часть пинты, он почувствовал в себе достаточно мужества, чтобы перейти к неприятному делу. В его мозгу проносились слова, сказанные его братом, когда между ними впервые было произнесено имя Джеспера Лей - «отчаянный искатель приключений, готовый на все. Если дать хорошую цену, можно купить и его тело и душу». У Лайонеля было достаточно денег, чтобы купить Джеспера Лей, но это были деньги сэра Оливера. И эти деньги он собирался употребить на погибель Оливера. Он ругал

себя подлой презренной собакой, он проклинал дьявола, который подсказывал ему эту мысль.

Внезапно шкипер тихо задал ему вопрос, рассеявший все его сомнения.

– Вы передали сэру Оливеру мои предостережения? – спросил он, понизив голос, чтоб не быть услышанным трактирщиком, который находился за тонкой деревянной перегородкой.

Мастер Лайонель кивнул.

– Я передал, – ответил он, – но сэр Оливер упрям. Он не желает ничего предпринимать.

– Не желает? – Шкипер погладил свою густую рыжую бороду и по привычке моряков пространно и отвратительно чертыхнулся. – Его ждет, по всей вероятности, виселица, если он останется здесь.

– Да, – сказал Лайонель, – если он останется. – Он почувствовал, как у него пересохло во рту. Он произнес эти слова таким странным голосом, что темные глаза моряка пристально взглянули на него из под рыжих бровей. В этих глазах был вопрос. Мастер Лайонель внезапно поднялся.

– Выйдете отсюда, капитан, – сказал он.

Глаза капитана сузились. Он почувствовал, что наклеывается дельце.

– К вашим услугам, мастер Трессиан, – сказал он.

Лайонель шел мрачный и задумчивый. Даже и теперь он еще колебался. А хитрый моряк, угадывая его колебания и желая рассеять их во имя той пользы, которую он ожидал для себя от угадываемого им предложения, облегчил ему начало.

– Мне кажется, вы собираетесь мне что-то предложить, – лукаво сказал он. – Говорите, сэр, никогда не было человека, более меня готового служить вам.

– Дело в том, – сказал Лайонель, искоса поглядывая на него, – что я в затруднительном положении, мистер Лей.

– Это часто случается со мной, – засмеялся капитан, – но никогда не было положения, из которого я бы не мог выйти. Расскажите мне о вашем, и, может быть, мне удастся сделать для вас то, что я делал для себя.

– Ну, так вот в чем дело, – сказал Лайонель. – Моего брата, как вы сказали, безусловно повесят, если он останется здесь. Если доведут дело до суда, он пропал, и в этом случае я тоже пропал. Бесчестье падает на родственников повешенного. Это ужасно.

– Конечно, конечно, – одобрительно заметил моряк.

– Я хотел бы спасти его от этого, – продолжал Лайонель, – но помочь ему избежать наказания – против моей совести, так как, клянусь вам, мастей Лей, я нахожу его преступление отвратительным – это трусливое, подлое убийство.

Мастер Лайонель замолчал и пристально посмотрел на собеседника. Они были совершенно одни в пустынном месте.

– Я буду вполне искренен и откровенен с вами, мастер Лей. Питер Годольфин был моим другом. Сэр Оливер мне не более чем сводный брат. Я хорошо вознаградил бы того человека, который тайно увез бы сэра Оливера от грозящей ему участи и в то же время сделал бы так, чтоб сэр Оливер не избег заслуженного наказания.

– Я сделаю это, – сказал капитан, – риск велик. Но вы ведь говорите, что хорошо вознаградите за это...

– Цену назначите вы, – быстро ответил Лайонель.

Глаза его лихорадочно блестели на бледном лице.

– Я сумею это сделать, не бойтесь, – сказал капитан. – Я отлично знаю, что вам нужно. – Как вам понравится если я увезу его за океан на плантации, где как раз нуждаются в рабочих с такими мускулами, как у него?

- Он может вернуться оттуда - был ответ.

- Ах, - сказал шкипер. - Что вы скажете в таком случае о морских разбойниках Берберии? Им нужны рабы, и они всегда готовы их купить, хотя и платят гроши. Я никогда не слышал, чтоб кто-нибудь вернулся если попал на их галеры. Мне приходилось вести с ними дела, обменивая людей на пряности, восточные ковры и тому подобное.

Мастер Лайонель тяжело дышал.

- Это ужасная судьба, не правда ли?

Капитан погладил свою бороду.

- Да, но это единственный верный способ и все же не так ужасно, как виселица.

- Правильно, правильно - воскликнул Лайонель с каким-то бешенством. - А ваша цена?

Моряк переминался на своих коротких крепких ногах и лицо его стало задумчивым. - Сто фунтов, - сказал он.

- Хорошо, я согласен на сто фунтов, - был быстрый ответ, такой быстрый, что капитан Лей понял, что поступил глупо и необходимо было это исправить.

- То есть, сто фунтов для меня, - поправился он. - Надо еще принять во внимание экипаж - оплатить его молчание и помощь. Еще сто.

Мастер Лайонель с минуту подумал.

- Это больше, чем я могу сразу достать. Но вот что, вы получите сто пятьдесят фунтов деньгами, а остальное драгоценностями. Вы не прогадаете на этом, обещаю вам. А когда вы вернетесь и скажете мне, что все устроено так, как вы мне обещали, вы получите столько же.

Вся помощь, которая требовалась капитану, состояла в том, чтобы Лайонель заманил брата в какое-нибудь установленное место на берегу моря. Там у Лея

буду приготовлены лодка и люди, и в остальном можно положиться на него.

Лайонель мгновенно вспомнил о подходящем для этого месте. Он повернулся и указал на мыс Трефузис и на серый силуэт замка Годольфин, залитого в данный момент лучами солнца.

- Вон там на мысе Трефузис под замком Годольфин завтра в восемь часов вечера, когда еще не будет луны. Я устрою так, чтобы он был там. Но поклянитесь, что вы захватите его.

- Положитесь на меня, - сказал мастер Лей, - Ну, а деньги?

- Когда он будет у вас на судне, приходите за ними в Пенарроу.

Капитан согласился. Ведь если джентльмен не раскошелится, он может вернуть сэра Оливера на берег.

На этом они расстались.

На грубом лице искателя приключений бродила улыбка. Если бы мастер Лайонель видел ее, он спросил бы себя, насколько безопасно обделывать такие дела с негодяем, который будет верен только пока это ему выгодно. А в этом случае мастер Лей видел возможность получить выгоду за вероломство. Совести у него не было, но он, как все негодяи, любил перехитрить большего негодяя. Он ловко надует мастера Лайонеля и, размышляя об этом, он весело захохотал.

Глава VII

В западне

Почти весь следующий день мастер Лайонель не был в Пенарроу под тем предлогом, что ему надо было делать покупки в Труро. Было около половины седьмого, когда он вернулся. Входя в холл, он встретил сэра Оливера.

– У меня есть для вас известие из замка Годольфин, – объявил он и увидел, что брат его побледнел. – У ворот меня встретил мальчик и сказал, что миссис Розамунда желает с вами немедленно говорить.

Сердце сэра Оливера почти остановилось, потом сильно забило. Может быть, она со вчерашнего дня смягчилась. Наконец-то она соглашается повидать его.

– Да благословит тебя бог, за это хорошее известие, – ответил он, и в голосе его был восторг. – Я сейчас отправлюсь. – И он тотчас же вышел. Он так торопился, что даже не захватил тот кусок пергамента, который должен был говорить за него. Это было очень важное упущение.

Мастер Лайонель не произнес ни слова, когда брат его выходил. Он был смертельно бледен, и ему казалось, что он задыхается. Когда дверь закрылась, он вдруг пошевелился и выскочил за сэрмом Оливером. Но страх заглушил голос совести. Если он не исполнит того, что задумал, то может заплатить за это жизнью.

Он повернулся, и дрожа побрел в столовую. Там он увидел, что стол накрыт к ужину, как в ту ночь, кого он, спотыкаясь, вошел с раной в боку и сэр Оливер ухаживал за ним и спасал его. Он не подошел к столу, а сел у камина, протянув руки над огнем. Он весь похолодел и дрожал с головы до ног. Даже зубы его стучали.

Никлас вошел, чтобы спросить, будет ли он ужинать. Он неверным голосом ответил, что хотя уже поздно, он будет ждать возвращения сэра Оливера.

– Разве сэр Оливер уехал? – удивленно спросил слуга.

– Он только что вышел, не знаю куда, – ответил Лайонель. – Но раз он не ужинал, значит, он ушел не надолго.

Часы над конюшней пробили восемь. Лайонель мысленно видел, как брат его торопливо приближается к воротам замка Годольфин, из темноты отделяются темные фигуры и молча бросаются на него. Он видел, как он несколько секунд борется, лежа на земле, но ему связывают руки и ноги, засовывают в рот кляп, несут по откосу на берег к ожидающей его лодке.

Он просидел так еще полчаса. Теперь все было кончено, и эта уверенность, казалось немного успокоила его.

Вошел Николас, бормоча что-то о том, не случилось ли с его хозяином какого-нибудь несчастья. Мастер Лайонель презрительно отверг это замечание. Продолжая притворяться, он сказал, что не будет больше ждать, после чего Николас принес ему ужин. Он уже был в конюшне и видел, что сэр Оливер ушел пешком.

Между тем мастер Лайонель должен был делать вид, что он ест, хотя в действительности есть было для него невыносимо. Потом и он притворился, что начинает беспокоиться и присоединился к Николасу. Так они провели полную уныния ночь, а на рассвете разбудили слуг и послали их обыскать окрестности и объявить об исчезновении сэра Оливера. Лайонель сам отправился в Арвенак спросить сэра Джона Киллигрю, знает ли он что-нибудь об этом деле.

Сэр Джон был очень удивлен и поклялся, что уже несколько дней не видал сэра Оливера. Он был очень любезен с Лайонелем, который ему нравился, так же, как нравился вообще всем. Манеры юноши были нежны и кротки, он так отличался от своего дерзкого надменного брата, что его добродетели еще яснее оттенялись этим контрастом.

– Клянусь вам, я ничего про него не знаю, – сказал сэр Джон. – Я не имею обыкновения тайно нападать на своих врагов.

– Конечно, конечно, сэр Джон, я этого и не предполагал, – ответил опечаленный Лайонель. – Простите меня, что я пришел предложить вам такой недостойный вопрос. Припишите это моему состоянию. Я сам не свой все эти месяцы с того случая в парке Годольфин. На меня сильно подействовало, что мой собственный брат – хотя я благодарю бога за то, что он мне только сводный брат, – виновен в таком подлом преступлении.

– Как, – удивленно воскликнул Киллигрю, – вы сами это говорите? Вы в это верите?

Мастер Лайонель выглядел смущенным, что сэр Джон понял совсем иначе и поставил это в плюс молодому человеку. В этот момент было посеяно семя дружбы, возникшей потом между этими двумя людьми. Корни ее питались

жалостью, которую сэра Джон чувствовал к этому честному, нежному и такому искреннему человеку, страдающему от того, что у него брат негодяй.

– Так, так, – сказал он и вздохнул. – Вы должны знать, что мы ежедневно ожидаем приказа королевы судьям предпринять по отношению к вашему... по отношению к сэру Оливеру то, что до сих пор они отказывались сделать. – Он нахмурился. – Как вы думаете, знал ли об этом сэра Оливер?

Мастеру Лайонелю моментально стало понятно течение его мыслей.

– Я сам сообщил ему об этом, – ответил он. – Но почему вы об этом спрашиваете?

– Не поможет ли нам это понять и объяснить исчезновение сэра Оливера? Раз он знал это, было бы безумием оставаться здесь. Он, без сомнения, был бы повешен, если бы дождался гонца ее величества.

– Бог мой, – сказал Лайонель, – значит...значит, вы думаете, что он сбежал?

Сэр Джон пожал плечами. – А что еще можно предположить?

Лайонель повесил голову. – Другого ничего не может быть, – сказал он и попрощался, как человек вконец измученный, каким он и был на самом деле. Он никак не предполагал, что последствием его поступка будет такой очевидный вывод, вполне все объясняющий и не оставляющий места сомнениям. Он вернулся в Пенарроу и напрямик сказал Николасу о предположениях сэра Джона. Но слугу не так-то легко было убедить.

– Неужели вы верите, что он сделал это, – воскликнул Николас, – неужели вы верите этому, мастер Лайонель? – В голосе слуги слышался упрек, доходящий до ужаса.

– Помоги мне бог, что же другое могу я думать теперь, когда он бежал?

Николас подошел к нему со стиснутыми зубами и положил два скрюченных пальца на руку юноши.

– Он не убежал, мастер Лайонель, – сказал он с угрюмой настойчивостью. – Он никогда не был человеком, показывающим пятки. Сэр Оливер не боится ни человека, ни дьявола и, если бы он убил мастера Годольфина, он никогда не стал бы этого отрицать. Неужели вы верите сэру Джону? Сэр Джон всегда его ненавидел.

Но во всей округе только старый слуга придерживался такого взгляда. Если прежде кто-нибудь сомневался в виновности сэра Оливера, то теперь, после его бегства, все сомнения рассеялись.

Позже в тот же день пришел в Пенарроу капитан Лей и спросил сэра Оливера. Николас доложил о его приходе мастеру Лайонелю, приказавшему привести его.

Маленький плотный моряк вкатился в комнату на своих кривых ногах и, когда они остались одни, подмигнул своему нанимателю.

– Он благополучно доставлен на судно, – объявил он.

– Почему вы спросили его? – спросил мастер Лайонель.

– Почему? – Джеспер снова подмигнул. – Я имел к нему дело. Мы уговаривались с ним отправиться в путешествие, я слышал, что об этом болтали в Смисике. Это все объяснит. Можете мне поверить, что я умею распускать нужные слухи. Было бы глупо прийти сюда и спросить вас. Теперь вы будете знать, что сказать о моем посещении.

Лайонель уплатил ему условленные деньги и отпустил его, получив от него уверение, что «Ласточка» в следующий прилив уйдет в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/rafael-sabatini/morskoy-yastreb>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)